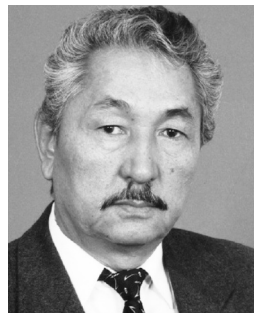

Кажигали Муханбеткалицы

ТЯЖКИЕ ВРЕМЕНА

Исторический роман

Глава пятая

– Достопочтенные и уважаемые земляки наши, мы, все трое, надеясь хотя бы чуточку быть причастны к тому, чтобы народ наш, сокровники наши в степи могли существовать мирно и спокойно, специально явились из далёкого Оренбурга к вам, дабы передать вот это пожелание нового жандарала... – завершил свою речь Шукирали-бай с узорчатой тюрбетейкой на голове и в одного цвета с нею тоже расшитом узорами чапане и, чуть покачнув своё грузное, полное тело, поклонился набившимся в восьмистворчатую белоснежную юрту весьма знатным людям: известным биям и аксакалам – предводителям разных родов и племён, что застыли поражённо, не зная верить или не верить переданному им посланию. И вопрошающе впились взглядами в хозяина дома Байбахты Сырым-батыра.

Оказывается, сам батыр тоже задумался о чём-то.

И тогда один из приехавших издалека гостей, молодой мулла Шапи с большой белой чалмой на голове, в белом шёлковом чапане, с ликом, который струил благочестие, решил воспользоваться паузой:

– Да, братья наши! – сказал он. – В словах Шоке нет ни единой посторонней мысли! Всё это – лишь то, что сказано нам устами жандарала...

– Да, да! Нисколько не сомневайтесь! Всем этим словам свидетели перед Богом мы, трое, сидящие перед вами! – тут же поддержал его тщательно одетый порусски третий гость, находящийся на службе в канцелярии Оренбурга, молодой ходжа Нурмуханбет... – Если по правде, – продолжил он утверждающе, – услышав впервые эти слова, мы и сами не поверили ушам своим, точно так же, как и вы сейчас. И долго сидели, недоумевая и поражаясь. Однако жандарал сразу же рассеял наши сомнения, заявив: «Я хорошо знаю, господа, что все, кто правил краем до меня, управляли народом только при помощи силы и оружия. Однако политика – это же, отнюдь, не нечто навсегда затвердевшее и застывшее! По поручению, данному мне Её Величеством Императрицей, в дальнейшем подобное будет строжайше запрещено! Если хотите, я, генерал, готов поклясться в этом!».

Продолжение. Начало в № 1-2, 2016.

Вот так! Поскольку это слова большого человека, специально посланного в эти края из Санкт-Петербурга самой Императрицей, то им вполне можно верить. Мы и донесли их до вас... – так завершил свою речь Нурмуханбет.

– Ладно, чего ж нам ему не верить-то! Только... – начав так, Байбахты Сырым сделал небольшую паузу и развернулся к гостям, возвышаясь над ними всей своей рослой фигурой. Две и без того глубокие морщины между бровями прорезались ещё глубже, и он продолжил: – Да только удивляет нас, с чего это явлена вдруг столь неожиданная милость нам? Не можем никак понять этого! Потому что нынешнее положение известно вам самим: мы ведь – те, кто только что вчера разорил такую их крепость, как Таналык! Сколько их людей было уведено нами в плен, сколько угнано скота! И теперь, когда мы полагали, что урусы, как обычно, постараются учинить нам жестокую расплату за всё это... являетесь к нам вы и сообщаете: «Губернатор сказал так-то и так-то!...». Удивительно. Вот это – и заставило нас невольно задуматься.

– Сырым-ага! Обдумать всё, конечно, нужно... И всё же тут, по-моему, нет ничего, чему следовало бы поражаться, – снова вмешался в разговор молодой ходжа Нурмуханбет. – Худо-бедно и мы ведь находимся на их канцелярской службе. Поэтому могу сказать как человек, немного знакомый с порядками у русских: царская политика и в самом деле под веянием времени изменяется, склоняясь то в одну, то в другую сторону. По моему предположению, и мы сейчас, похоже, оказались в таком вот переменчивом периоде. Говорю так потому, что по словам тех, кто служит в оренбургском учреждении, именуемом «Экспедиция по пограничным делам», этот новый жандарал на недавнем большом собрании сильно отчитал начальника Экспедиции. Гневался: «Какого же результата вы достигли, воюя с казаками более полувека? Прекратились ли набеги? Пресечены ли барымта и вражда? Установлено ли спокойствие? Нет же, не-ет! Вот и по сию пору всё воюете промеж собой. По-моему, пора прекратить подобное!». Вдобавок к этому, жандарал там вроде сказал: «Я нисколько не сомневаюсь в том, что собственные неуместные действия тех, кто в прошлые годы правил краем, послужили причиной, что отчаявшиеся казахи то и дело выходили на отмщение. И всё это привело к росту воровства и грабежей». А ещё и добавил: – Мол, сама Её Величество Императрица издала указ, требуя прекратить подобное. Судя по таким разговорам, в русской политике, кажется, случилась некая перемена. А коли так, почему бы не задуматься об этом и нам? От недоброго отмахнёмся, а коли будет польза – почему бы не взять себе на пользу, Сырым-ага? Давайте же подумаем... И наверное, следует подумать не только нам с Вами, но и всем здесь сидящим и всем-всем вообще...

– Слова твои правильные, Нурмуханбет! Всё, сказанное тобой, уместно, брат ты мой младший. И в самом деле, разве не следует подобный вопрос решать всем миром? Сидящие здесь – предводители целых родов и известные бии родов... А коли так, то пусть же выскажут и они свои мнения. Пусть вынесут, что думают по этому поводу, на обсуждение большинства. И вы тоже послушайте их... А слова жандарала, думаю, найдут в своё время ответ, – сказал батыр, поочередно оглядев переполнивших юрту гостей.

– Да, правильно, всем нам, действительно, следует хорошо подумать. Однако, как сказал и сам Сырым, нас поражает, почему этот урус не шлёт, как прежде бывало, гонца к хану Нуралы, не велит ему: «Немедля урезонь своих неслухов!»

Урезонь и приведи к нам, склони к нашим ногам головы самых главных разбойников!» А вместо того специально посылает именно вас сразу к нам, аксакалам и предводителям родов. Почему?! Какова внутренняя причина?! – молвил светлицы, синеглазый пожилой мужчина с короткой и густой рыжеватой бородой, расправив грудь, и оглядев поочередно, всех троих далёких гостей.

Это известный би племени Кете по имени Коккоз, что значит – Синеглазый. И глаза у него, действительно, синие-синие. Он человек с редковатыми бровями и ресницами, с открытым и тёплым лицом. Когда весной Сырым разослал зов во все стороны, наряду с Ысык Каратау-бием и Есентемир Сасыкбай-батыром, и этот Коккоз-би прислал весть с берегов далёкого Уила: «Самое большее через неделю окажемся рядом! Пусть батыр непременно ждёт нас!». Но поскольку тогда уже прибыли к Сырым и присоединились дружины Табынов Барака и Тленши, Шектинцы под предводительством Котибара, а также из-за нехватки времени, сборная дружина Султансииков не смогла ждать остальных и поспешно отправилась в поход. Хоть Коккоз-бию и не удалось участвовать в Таналыкском сражении, однако совесть его была чиста перед сокровниками. И теперь говорил он с ними открыто и раскованно. Вдобавок к этому, в народе бытует, что – “с тех пор, как Алшины стали Алшинами, Алимы являются старшими братьями». Возможно, поэтому он и хочет показать, что первое слово принадлежит по праву именно ему – представителю племенного объединения Алим. И среди сидящих рядом с ним и равных ему Ысык Каратау-бию и Есентемир Сасыкбай-батыру, и другим предводителям родов в голову не пришло, что это неправильно или несправедливо.

– Почему урусы по обыкновению своему не обратились сперва к Хану? Уместный вопрос, Коке! С правильным подтекстом. Мы сперва тоже об этом подумали. А расспросив же, узнали, что начальники с ханом всё-таки связывались. На то самое большое собрание, которое взбудоражило весь Оренбург, был приглашён и Хан. Однако же, прослышав, что разговор там пойдёт скандальный – о разорении крепости Таналык – Нуралы-хан сам не захотел поехать туда. Испугался гнева вновь прибывшего жандарала... – сказал Шукирала. – Может, с тех пор и связываются они меж собой тайком: но оно-то нам неведомо...

– Хм, вот оно что, значит! – Коккоз-би остался удовлетворён ответом.

Однако сидевший рядом с ним Есентемир Сасыкбай-батыр взорвался внезапным гневом:

– Большое дело – “испугался”, – вскипел он. И продолжил сердито: – Что же он, этот Нуралы – не впервой же ему видеться с жандаралами и не впервой держать перед ними ответ. А теперь прячет своё лицо и таится стыдливо, как жалкая баба, которая, хоть и перевидела немало мужей, да пугается понарошку при виде очередного мужика! Да?

Многие из собравшихся знали, что один из троих гостей – Нурмуханбет – является зятем хана, женатым на его дочери по имени Тойгара, и откровенно смутились...

– Э-эй, потише вы... Какое вам дело до человека, которого здесь нет?!

– Успокойтесь, батыр! – засуетились некоторые.

– Свет ты наш, Нурмуханбет! Не обижайся. Прости, айналайын!¹ – сказал Ысык Каратау-би, подавшись вплотную к молодому ходже. Был он рослым и сбитым, чугунно-смуглым человеком, в чёрную, как смоль, бороду и усы, несмотря на из-

¹ Айналайн (каз.) – ласковое обращение.

рядный возраст, не закрался ещё ни один седой волосок. Похоже, имел большое влияние на своё окружение, и слова его показались Нурмуханбету властными.

– Хоть кое-кто и знает, что ты зять хана, однако откуда же знать это всё сидящим здесь? Поэтому, не подумав, что могут невзначай обидеть тебя, и говорят столь жёсткие слова, свет мой! Сказано же: «Не зная, человек может и яду выпить», – молвил Ысык Каратау би.

– А теперь, если сказать о тебе, – продолжил далее, – то твои корни несказанно благородны, айналайн! Ты потомок посланника Аллаха – священного нашего пророка Мухаммеда, да святится имя его! Сын Пира, которому поклоняется весь Младший жуз... Ты – наш ходжа! Не принимай близко к сердцу необдуманно высказанные лишние словеса. Пропускай их мимо ушей, свет ты мой. Дело тут не в имени твоего тестя Нуралы, а в положении его, как главы этого народа – Хана! И за то, что не может он достойно нести своё положение и высокое место свое, и сердит на него этот люд! А на людской роток – не накинешь платок. Поэтому, надеюсь, ты правильно поймёшь суть разговора, свет ты мой.

– Ладно, не смущайтесь, Каратау-ага. Такие разговоры мы слышим не впервые. Слова людей... мнение народа! А народ – разве не одно из имён Аллаха? И стало быть, никто не может стоять выше него. Так учил и отец Абужалел Пир. И привела нас теперь сюда только забота об интересах того же народа... – высказался молодой ходжа Нурмуханбет, сам успокаивая окружающих и не давая нарушить течение вдумчивого разговора.

Поскольку всё это произнёс сам молодой ходжа, то старшие, почувствовав полное облегчение, опять принялись за обсуждение.

– Что же это выходит?.. Неужто жандарал прямо-таки погибает пальцы, называя Сырыма и Тленши, Табын Барака и Шекты Котыбара – мол, такие-то и такие разорили крепость Таналык? Откуда же он узнал? А?! – подал голос Таз Кулжабай-би.

– Ойбай-ау², урусы же издавна знают Сырыма и Тленши... Бог с ними, ладно! Лучше скажи, откуда прознали они про Шомишты Табын Барака, обитающего далеко в песках Сам и Матай, и кочующего по Большим и Малым пескам Барсукам, столь молодого Кабак Котыбара?.. – не смогли скрыть своего удивления братья Кадыр и Садыр из племени Тама.

– Не только знает жандарал, но и нам, посланцам своим, наказал: «Я вызвал вас для того, чтобы вы, поехав в степи ваши, собрав всех вместе и по отдельности, переговорили с разорившими недавно крепость Таналык Сырымом, Бараком, Тленши и Котыбаром, а также, с подобными им, другими известными и влиятельными предводителями родов, с батырами, аксакалами и биями. Стало быть, все-то данные у него на руках... – подчеркнул Шукирالي.

– Ау, братья мои, не будем шагать вразброд... лучше посоветуемся по поводу того, какой ответ дадим жандаралу, – вернул вновь всех к руслу разговора Берш Кара-батыр. Несмотря на свой изрядный возраст, – человек с широкой грудью, крупными и суровыми чертами лица. Когда он заговорил громко и напористо, подобно привыкшему возглавлять кочевье могучему и стремительному нардомадеру, сам сразу привлёк к себе внимание.

– Уа, братья мои! – промолвил батыр из племени Берш, – Братья, хотя жандарал послал этих жигитов к известным биям и белобородым старейшинам, ко

² Ойбай-ау (каз) – восклицание, выражающее удивление и утверждение.

всему нашему народу, однако теперь стало известно нам, что поименно он всё-таки назвал Сырым и Тленши – дабы посланцы его повидались и переговорили в первую голову с ними! Назвал, обитающего далеко в песках Сам Асмантай и Матай, Шомишты Табын Барака, а ещё Шекты Котыбара из песков Большие и Малые Барсуки. Человек не возвеличится, присвоив себе чужое доброе имя. Мы откровенно должны признать, что и жандарала в действительности принудили к этому его шагу отчаянные действия именно этих батыров! Если бы они, поставив на кон собственные головы, не разорили столь отдалённую от нас крепость Таналык, заговорил бы с нами этот урус столь мягко? Стал бы призывать к согласию? Это Вы дали нам возможность добиться от власти такого жеста, Сырым-би! Вы, мурза Тленши!

И ещё хочу подчеркнуть: Сырым, сохраняя исконную традицию вежливости, присущую сыновьям Султансиика, – к тому же мы и находимся в его юрте, – не воспользовался тем, что он на сегодня и сам глава целого племени – би Сырым, батыр Сырым, – и не стал выступать вперёд нас. За это ему спасибо! А на самом деле сегодня и главные заслуги, и главные слова должны принадлежать только им! А потому, и спросим: что скажете в первую очередь вы, сыновья Султансиика? Что скажешь сам ты, Сырым-би? Что скажешь ты, Тленши-батыр? Мы слушаем вас... – завершил свою речь Берш Кара-батыр.

Сидевший на постеленном в четыре слоя стёганом атласном одеяле-корпе несколько ниже своих гостей, расположившихся по кругу, подобный человеку-горе, огромный телом Байбахты Сырым-батыр сначала бросил беглый и вежливый взгляд на гостя, а потом вовсе остановил своё внимание на сидевшем в почётной середине Табын Тленши-батыре.

И тут же, расположившийся, скрестив ноги, и лишь чуть опираясь поясницей на две большие подушки, прислоненные к решётчатому остову юрты, высокий смуглый Тленши, выпрямляясь и упирая длинные, подобные оглоблям, руки в колени, заговорил густым и переливчатым голосом:

– Поскольку половина всего Байулы – пять племён Султансиика – полностью сели на коней, и Сырым послал зов во все стороны, то не смогли полёживать себе равнодушно и мы, ваши братья из племени Табын и сокровники ваши из племени Тама братья Кадыр и Садыр, и поднялись разом с реки Есенбай и верховий далёкой отсюда реки Илек и присоединились к походу Султансииков. Стали им опорой и поддержкой по мере наших сил. Аллах свидетель, что мы и в сражении под Таналыком бились отчаянно. Это видели все, сидящие здесь, собственными глазами!

И всё же... не станем и мы теперь уклоняться от истины, братья! В пору похода сыновья Султансиика, говоря: «Мы сами начали это дело!», – сами в первую очередь и взвалили на себя основные тяготы похода и сражения. Первыми в кровавое сражение вступили сами байбахтинцы и сборная дружина всех Султансииков. А как проходило это сражение, вы знаете сами. Сколько уже времён минуло с тех пор, как сыновья Алаша не решались вот так – упорно и безоглядно сразиться с урусами!? А кто нацелил нас на безоглядную отвагу? Они – Султансиики! А поскольку дело завершилось удачно, то скажем: «Слава всем!» – победа, известное дело, всегда делится на всех.

Но победу эту взяли мы не ценой большой крови. Слава Богу – многие отважные воины наши в целостности и сохранности благополучно воротились домой.

И если я скажу, что и это достигнуто благодаря рассудительности и находчивости сидящего здесь Сырыма, то, надеюсь, вы не сочтёте, что я преувеличиваю. Вы и сами бывалые воины, пережившие немало сражений, испытывавшие немало и побед, и поражений... Знаете, что в пору сражения душа человека, возглавляющего воинство, трепещет на острие копья. Но на сей раз подготовленные Сырымом пятьсот жигитов-стрелков из племени Байбахты сразу же решили исход битвы. Не только рядовые сарбазы, но и воины, немало повидавшие на своём веку, были поражены этим... «Откуда собрал этот Сырым столько огнестрельного оружия?! Как он его сберёт?! Апырай, неужто эти сыновья Байбахты родились от своих матерей каждый с ружьём в объятых?!».

Да, это событие незабываемое, подобное некоей сказке. В былые времена, сказывают, батыры сожалели: «Я слил воедино думы моих выстрелов, но не смог слить воедино грохоты моих выстрелов!». Думаю, в этот раз жигиты Байбахты сумели слить воедино не только думы, но и грохоты выстрелов! Повторяю: самая главная заслуга принадлежит им – жигитам всего Султансиика в главе с Сырым-батыром! По этой причине и главное слово должно остаться за ними. Это их право. Бесспорное!.. Перво-наперво пусть они и скажут, – с широтой души предложил Тленши-батыр. И это при том, что он и сам был одним из благородных отпрысков достойного отца, сыном знаменитого батыра Бокенбая. И теперь... искреннее признание такого достойного мужа особых боевых заслуг байбахтинцев, – братьев по оружию, – вызвало у всех собравшихся не только глубокое удовлетворение, но и умиление в душах.

– Очень хорошо, Тленши-батыр! Очень хорошо! – снова взял в свои руки повод разговора Берш Кара-батыр, – Ну, сыновья Султансиика, что же вы скажете? Что скажешь ты, Сырым-би? Говорите! – оборотил он к ним острый клинышек своей продолговатой бороды.

Похоже, не ожидая этого предложения, известные батыры Султансиика – Маскар Донен, Кызылкурты Жабан и Жанбай и другие, равные им, сначала смутились, заговорили вразнобой. Но тут взял слово Алаша Утеули-би: общая их мысль отчётливо дошла до собравшихся:

– Братья! Коли решение зависит от наших пяти Султансииков, то узел этот у нас обычно распутывает наш старейшина Караман Тана Малайсары-би. Все вы, наверное, слышали, что он слёг, заболел и не смог принять участие в этом собрании... Когда мы слышали о тяжёлой болезни почтенного старца, то все сокровники наши решили: давайте сегодня единогласно предоставим слово Сырымму! Сейчас мы снова обговорили это – пусть он и сделает окончательный вывод! – обнародовал мнение сокровников Алаша Утеули-би...

– Правильно! И сам Малайсары-би нынче передал бы и место своё, и благословение Сырымму...

– Вы и сами знаете, что Сырым уже давно, и в присутствии нашего старшего брата Малайсары-бия, и в его отсутствие, не раз говорил не только от имени своих байбахтинцев, не только от имени Султансиика, но и от имени всего двенадцати-коленного Байулы. И сейчас – пусть говорит Сырым-би!

– Пусть говорит! – послышалось со всех сторон.

– Уа, братья мои! – подал голос по традиции старинных биев и сам Сырым...

Шум и гомон мгновенно затихли.

Взгляды всех с ожиданием воззрились на Сырыма. Он теперь выпрямился и приподнял широченную грудь. Когда же Сырым-батыр, которого Бог и так скролил щедро, решительно расправил плечи, то всем показалось, что он и вовсе стал великаном. Те, кто хорошо и близко знал характер бия, уже по большим карим глазам, по тому, как ушёл огонёк вглубь их и как две вертикальные бороздки меж его бровями залегли теперь ещё глубже обычного, подметили: он всё ещё в сетях какого-то внутреннего путанного и сложного раздумья. «Апырай, легче увлечь за собой дружину, нежели повести важную речь!» – произнес он. Люди знали это и по себе и в душе сочувствовали Сырыму.

– О, благородные мужи! – заговорил он. – Слушаю я ваши рассуждения и думаю: «чего это все мы необычайно поражаемся, будто никогда не слышали переданных нам слов. На первый взгляд, это действительно чрезвычайная весть. И если мы, казахи, обжигавшиеся не единожды, и если наши настороженные сокровники отнеслись с сомнением к тому, что царский жандарал послал людей, предлагая соглашения, то вряд ли следует удивляться этому. Всё имеет свои причины...» А вот поверят ли посольным наши люди? Это зависит и от того, является ли предложение, привезённое посольными, истинной правдой? – сказавши так, он испытующе огляделся по сторонам, и огонёк в его глазах загорелся вновь, к породистому лицу его прилила кровь.

– Потому что... – продолжил он без передышки, – стремление этого жандарала начать службу свою с оказания внимания народу, с обращения к народу с предложением о добром согласии, невольно понуждает меня верить этому. Да, понужда-ет! Разумеется, вы вправе думать по-своему. Однако, что бы вы ни говорили, вы тоже видите своими глазами, что этот жандарал послал специальных людей именно к вам – главным людям народа. И не верить ему, не полагать, что этот его поступок явно к добру, по-моему, невозможно, братья мои! Знаете сами, в Оренбург и приезжал не один жандарал, и уезжал не один жандарал... Но кто из них, не говоря уж о том, чтобы слать к нам таких вот уважаемых людей, хотя бы считал-то наш народ – народом?! Нет, не было ещё такого! А поступок этого жандарала, который послал нам достойное предложение, показался мне приемлемым, друзья мои! Нельзя считать, что все рыжие урусы – одинаковые урусы. Нельзя отмахиваться. А взглядевшись в подтекст слов большого сановника, изучив, что в них ладно, а что не очень, дать обстоятельный ответ...

– Скажите же сперва сами, что думаете! – прервал его речь Ысык Каратау-би.

– Что ж, скажу... Сдаётся мне, это уже дело, которое имеет прямое отношение ко всему будущему существованию нашего народа, – привёл Байбахты Сырым-би мысль свою в единое русло. – Поэтому, какой полный ответ дать жандаралу, следует решить не небольшой группе биев и предводителей родов, собравшихся сейчас, а обсудить со всем народом нашего Младшего Жуза. Потому что, суть этого разговора имеет отношение не только к нашим сокровникам, обитающим на побережье Яика, близко к линии, но касается интересов всех детей Алаша. Всех казахов вообще-то, вопросы эти сложны чрезвычайно и тесно переплетены друг с другом, вытекают один из другого... И если не рассматривать их целостно, то здесь много тугих узлов, которые никогда не будут распутаны окончательно. К примеру, из чего вытекают обычно распри с соседним народом? Из того, что не решается вопрос о местах обитания кочевого народа. А кто не даёт решить?

Казаки и пограничные войска вдоль линии, которые отгоняют казахов, не подпуская их к тучным пастбищам за Яиком! А если в самые трудные для нас зимы верхи и пропускают нас в самарскую сторону, то с одной стороны Нуралы-хан, намекает: «Это я добыл вам разрешение!», – с другой – казаки на переправе утверждают: «Бумага у вас неправильная!» и все требуют с нас мзду. Притесняют нас, доводя до белого каления. Со смиренного верблюда легче сдирать шерсть – вот они все и обирают смирных казахов. Разве не так?

– Верно, верно...

– Так оно всё и есть, точно так...

– Правду говоришь, Сырым-би!

– ...Ладно! И это бы стерпели! – заговорил теперь би с отчаянием и даже выходя из себя. – В последнее время даже обычные русские мужички с берегов Яика взяли привычку придираться к нам: «Скот ваш раскидал собранное нами сено!», «Ваши табуны на водопое распугали рыбу в Яике и замутили воду!». Это уже просто бесит! А когда поднимаешься против откровенного насилия, то, будоража всё Яицкое казачество, на тебя выходят войска, стоящие на границе вдоль линии. Коли и не выходят сами, то насылают на нас скопом башкир или калмыков, пригнувшись сами за их спинами. И никто не урезонит их, ни начальство в Оренбурге, ни хан нашего края! Что это за самоуправство? Что за произвол?! После этого разве будет спокойствие? Как оно установится – это спокойствие? Вот, братья мои: коли нужно соглашение, то пусть жандарал сам в первую голову пресечёт подобное! Мы должны сначала потребовать этого! И тогда... коли воспримет он наши чаяния – то воспримет, а коли нет, то и предложения его несерьёзны...

– Об этом жандаралу и я говорил, батыр! Сдаётся мне, он и сам понимает, – подключился к разговору Шукирали-бай.

– А коли знает и искренне хочет распутать запутанный узел, то кто же ему станет поперёк пути? – заговорил было Берш Кара-батыр.

– Сего я не могу знать! Однако этот жандарал, дабы успокоить обе стороны, кажется, намерен запретить посылать в степь войска... Такое намерение пришлось нам по душе! – коротко завершил Шукирали

– Неужто!?

– Ну, если это правда... то новость совсем неплохая! – восторженно воскликнули и подали голос многие.

– Ладно! – воскликнул Сырым-батыр, – Разумеется, царица говорит своим жандаралам: «Как бы то ни было, сохраняйте спокойствие среди подчинённого вам народа!» И, коли выполняя волю царицы, и жандарал стремится призвать нас к соглашению и хочет успокоить народ, то, может, это его намерение и впрямь искреннее! Вдобавок, вы и сами видите, каково сейчас у него положение дел: разорена крепость Таналык... погубило немало людей... И уведено тоже немало. ...Что ему делать теперь? Начать новую резню, едва прибыв на должность? Или – найти общий язык с соседствующим народом? Разумеется, для человека рассудительного явно предпочтительнее найти общий язык. Да и коли хочет скорей вернуть в родные семьи множество людей, оказавшихся в плену после нападения на Таналык, и обрести авторитет у подчинённого ему огромного войска, и у простого народа, то есть ли нам смысл сомневаться в подобных намерениях жандарала? «Коли казахи ищут своих схваченных

сокровников, то пусть забирают своих людей в Оренбургской и Уральской тюрьмах и полностью возвратят наших людей, которые захвачены ими», – разве нет здесь резона для нас?

Но это лишь один пункт разговора...

А тому, что жандарал говорит: «Коли примут эти мои условия, то я намерен всем объявить помилование!», – мы, конечно же, не особенно верим. Но то, что он настойчиво передал через этих троих наших гостей, мол, «если есть скопившиеся обиды и жалобы, то пусть придут лично ко мне, дабы мирно урегулировать...». В этом, сказать по правде, мне въявь видится признак чего-то доброго, братья мои!

Давайте, подумаем! Посоветуемся с аксакалами и достойными мужами всего Младшего Жуза. Давайте, взвесим каждое слово большого сановника... «Кстати, как зовут его, Шоке?» – Сырым взглянул на Шукирала, старшего из приехавших. Бай растерялся: «То ли Удилсурен... то ли Егилсурен? Как там его, эй, Нурмуханбет, скажи же ты!», – переадресовал к своему спутнику. Некоторые из собравшихся усмехнулись, что столь солидный человек забормотал, вдруг путаясь, как дитя. Заметивший это Нурмуханбет тут же быстро поправил бая:

– Не Егилсурен, а Игельстром! Осип Андреевич Игельстром, Шоке!

– Да, давайте ещё и ещё взвесим каждое слово этого жандарала Егилсурена! – только так и смог произнести и сам Сырым, – ибо в словах большого сановника есть и стужа, которая леденит душу, братья мои! К примеру, что значат, как нам передали наши гости: «Ради спокойствия обеих сторон, пусть предводители родов в первую очередь сами прекратят всякое сопротивление»? Неужто мы со слипшимися от мороза ресницами, с обледеневшими бровями, среди лютой зимы, от скуки носимся на конях по степи, что ли? Или же он хочет сказать: «Не поднимайте опущенные долу головы ваши, даже если мы станем лупить вас по темени?!»

А разве он не обвиняет многих из нас, сидящих здесь, утверждая: «Некоторые предводители вашего народа настроили его против царицы»? За каждой из подобных фраз – холодная угроза. Надо задуматься: то ли таково его личное мнение, то ли жандарал сказал это поневоле, поддавшись назойливому и непрерывному науськиванию со стороны его окружения? И вообще – кто виноват? Мы ли, направляемые отчаявшимся народом, чтобы мстить совсем уж распоясавшимся казакам? Или же подвластные той же царице правители, чиновники и их войска? Если станем углубляться, то просто застрянем, как в трясине...

А пока, по-моему, отложив все прочие разговоры, мы должны, во что бы то ни стало, быстрее вызволить наших сокровников, томящихся в Оренбургской и Уральской тюрьмах! Иначе чего же мы, поставив на кон собственные жизни, совершали нападение на далёкую крепость Таналык? Во многом ведь и для того, чтобы добыть пленных, на которых смогли выменять наших сокровников. А коли так, то вот и дошла очередь до этого! Пока урусы сами говорят нам с поклоном: «Возвратите пленных, уведённых вами при нападении на Таналык, и забирайте полностью всех ваших пленных», – следует срочно соглашаться, – «Поклонись тому, кто тебе кланяется!». К тому же урусы не тот народ, который каждый день станет приходить с поклоном к твоему порогу. Запомните это! Ну, как, договоримся в первую очередь с урусами насчёт этого? Или нет? Скажите! – несколько разгорячась, остановился Сырым.

– Апырай, Сырым-ай! Свет ты мой... И в самом деле, это и должно стать первым выводом из всего, высказанного сейчас здесь! Какая же радость может быть превыше избавления сокровника, томящегося в тюрьме? Что может быть радостней, нежели встреча с родными и близкими после долгой разлуки? Да пропади они пропадом, все эти нескончаемые повседневные дела наши! Давайте же отложим пока всё и примемся сразу именно за это, братья мои! – взволнованно подал голос Кете Коккоз-би.

Все поддержали, снова поднялись гомон и шум.

Оказалось, и эти бии, и эти кажущиеся такими могущественными и непробиваемыми и отчаянные в отваге своей батыры, в сердце таили в себе обычную человеческую боль: у многих из них самих близкие и родные люди томились в каменных застенках форпостов и крепостей вдоль Яика... Двое родственников Тама Кадыра и Садыра, сразу два родных брата Байбахты Етес-батыра, один из сыновей старшего брата Таз Кулжабая – Хусаина и его двоюродный брат, вся семья Табын Жиеншора-батыра, четверо родственников Ысык Каратау-бия, целый аул родственника Берш Кара-батыра... Господи помилуй, если продолжить перечислять, то у этих несчастных казахов столько горя у каждого, что впору в голос кричать. Даже самые суровые мужи, которых в народе считают несгибаемыми, сникают, когда вспомнятся им братья и сёстры, уведённые в полон...

Пережив нечаянную смуту в душе и услышав, что нужно в первую голову высвободить своих, томящихся в различных застенках, вдруг и загомонили, загалдели, как простые смертные эти предводители родов...

Решение о том, что безусловно необходим обмен пленными было принято единодушно.

Остальные дела бии решили было оставить на потом:

– Устроим обсуждение всем Младшим Жузом!

– Выставим на решение народа все тяжбы и скандалы!

– ...Верно! Миром решить – ошибок не свершить...

Однако батыр племени Берш Кара, человек с норовом, всё ещё державший в своих руках нить обсуждения, снова воскликнул напористо:

– Уа, братья мои! – опять своим могучим голосом обратил он на себя внимание,

– Может и правильно, что предлагаете остальные дела обсудить всем миром... И всё же почему не слышно знающих обо всём этом самого Хана и рождённых от него тридцати сыновей – тридцати султанов? Где они находятся сейчас? Почему среди нас нет хотя бы одного из них? Или им с руки только править народом, а в трудные для него дни лень заботиться о нём и опекать его? Коли так, пусть признаются в этом! Тогда и мы скажем, что подобных «попечителей» народу не нужно! Что они, бесследно исчезающие, едва только над народом начинают сгущаться тучи, что мгновенно зарывающиеся при первой же опасности в пески... круглоголовые ящерицы песков Нарына – всё одно! Зачем нужны подобные правители?

Чтобы они потом не говорили, мол, ничего не слышали и ничего не знали, надо послать весть Хану! Ну, что скажете на это? – спросил он и замолк.

И – заставил задуматься многих биев...

Пережившие немало тяжб и споров сверстники биев Кете Коккоза и Ысык Каратау даже обрадовались, что затронута такая тонкость: «Апырай, нужно так и поступить, дабы не сбиться с пути нам, коли завтра вдруг зародится какой-либо

спор!»). Ибо они теперь, умудрённые старым и горьким опытом, обмозговали, как в ходе возможных разладов не оставить Хану ни единой возможности в чём-либо винить их самих – биев, вышедших из черни.

– Да, пусть будет послана весть Хану! Пусть ему будет поведано о положении дел, братья! Если Хан сможет уладить их – ещё лучше; а коли не сможет – тогда и Бог с ним! Как бы то ни было, не заявят потом: «Не знаю-не слыхал»...

– Если вы так не поступите, после Хан перед всем народом станет винить вас «Такие-то и такие-то Бии, возомнив себя непререкаемыми авторитетами и считая себя превыше прочих, нарушили наши права! Поступают, как им вздумается. Поэтому мы снимаем с себя ответственность за судьбу народа в дальнейшем. Теперь уж, если что, то и благодарите, и вините только их!» И – безусловно ускользнёт в сторону. Если не сбудется то, что я сказал сейчас, можете не отвечать на мои приветствия!³ – совсем уж мрачно заявил Берш Кара-батыр.

Би Сырым не ожидал, что речь зайдёт о Хане и об окружающих его чингизидах-торе. Но спор стал разгораться, и Сырым, не выдержав, сам выплеснул горечь свою и недовольство ханом:

– О, Боже ты мой! Лелеять надежду на то, что Нуралы что-нибудь для нас сделает, всё равно что обратиться в голодного волка из той сказки, где он плетётся за бараном, ожидая, когда же у того отвалятся яйца!.. Ладно, не буду мешать вашему совещанию и стоять поперёк вашего пути. Отправляйтесь к своему хану! Покажитесь ему на глаза! – сказал ещё раздражённой.

– А сами вы, би? Разве сами вы не поедете? Не передадите ему своими устами слова наших сегодняшних гостей? – разом загомонили со всех сторон Таз Кулжабай-би, Тама Кадыр и Садыр батыры..

– Нет! – отрезал Сырым. – Нет! По отношению к хану вашему у меня в душе всё давно омертвело... Не принуждайте меня!

* * *

...Байбахтинцы, Султансиики и многие другие роды после того, как, всполошась, ушли в ущелья Мугалжарских гор и, проведя там большую часть весны, теперь, когда приплод окреп и встал на ноги, тем же путём, что прибыли сюда в прошлом году, стали откочёвывать назад. Неспешно продвигаясь с верховьев Жема, подстраиваясь под мерное движение стад своих, они недавно переправились через реку Уил. А как только выбрались за пределы песков Жекенды, то полагая, что осталось рукой подать до родимых земель, сделали передышку на несколько дней, остановились у озера Камысколь. И в самом деле: ещё одна перекочёвка – и достигли бы густых зарослей озера Каракамыс, откуда разом поднялись и отправились скопом в феврале, таких тучных пастбищ, как Жибек и Сулуколь, Кушекбасар и Шикымбай. А там, за ними, уже и вовсе самые родные места, где им резали пуповины, где они росли и мужали... Родные и милые сердцу Калдыгайты и Булдырты! Да, это были их отчие уголья, где они могли селиться, ни на кого не оглядываясь, вольготно и безоглядно. О которых, скучая, старцы говаривали: «Эх, под каждым кустом там пасётся по лошади».

Чем ближе они подъезжали к заветным местам, тем веселее становились и стар, и млад. Тем больше волновались они от мысли, что вот-вот и доберутся до родных мест.

И вдруг грянула внезапная, недобрая весть:

³ Не отвечать на приветствие – высший признак игнорирования человека, как Человека.

– Ойбай... Не говоря уж о ближайших озерах Батпакколь и Алаколь, на широком урочище меж текущими рядом реками Калдыгайты и Булдырты, на севере, в землях до самого верховья Шынгырлау, полностью поселились Ханская Орда и окружение Нуралы!

– Как же нам теперь быть?

– Апырау, что же творит хан?! – встревожился люд.

Тут же стали слышаться и грозные ноты:

– А то он не знает, чьи это угоды! Если хан ищет вражды, то и ему не поздоровится!

И аксакалы и другие достойные мужи пребывали в растерянности, когда из далёкого, чуть ли не с края земли, Оренбурга по поручению вновь назначенного жандарала в расположенный в верховьях Камысколя аул Байбахты Сырыма нагрянула вот эта группа гостей во главе с известным всей степи знаменитым посредником Белого Рынка баем Шукирали...

Да благословит их Создатель, гостями они оказались совсем не простыми.

Байбахты Сырым-би велел отодвинуть все прочие дела и разослал гонцов во все стороны. Отправил вестников всем, до кого можно доскакать. Кочевье, находившееся на передышке, переполнилось суетой. Правда, тут же отодвинулись на потом и тревоги насчёт распрей с Ханской Ордой в связи с угодыми, народ постепенно успокаивался.

Передышка затягивалась. Начались другие спешные хлопоты.

Суета и в самом ауле бия. Здесь выгрузили навьюченные на могучих верблюдов-атанов тяжеленные тюки и установили подряд дорогие и богато обставленные внутри белоснежные юрты.

Стало ясно, что наедут гости со всех сторон и что они – люди весьма почитаемые и достойные заботливого ухода за собой...

Прошло немного времени, и сюда потянулись такие предводители родов, как Кете Коккоз-би с побережий Уила; из Караколя и Карабау, что на западной стороне: Ысык Каратау-би, Есентемир Сасыкбай-батыр и Берш Кара-батыр; с севера – из Сорбулака, что на берегах Кара Хобды – и из Малого Бестамака Табын Тленши, Тама Кадыр и Садыр батыры; с юга, с берегов Сагиза, Таз Кулжабай-би. Собрались и главные люди Султансиика из окрестных аулов. Все-все съехались в аул Сырым-бия.

...Так и готовилось то самое собрание, на котором теперь предводители родов держали совет. Целых три дня. И пришли к общему решению.

И вот, спустя некоторое время, в Ставку Хана пришло следующее сообщение:

«Вновь назначенный наместник Уфимского и Симбирского наместничества, генерал-губернатор Игельстром послал специальных людей к совершившим нападение на крепость Таналык Байбахты Сырым и Табын Тленши, предложив найти согласие и общий язык. В ауле Байбахты Сырым бия состоялся совет, и некоторые из биев трёх племенных объединений сейчас, придя к общему решению, намерены самолично отправить это своё решение в Оренбург...»

Эта весть всполошила всю Ставку.

...А неделю назад до Хана дошла следующая недобрая весть:

– Огромное кочевье, составленное из байбахтинцев и султансииков, а также и из других родов (та самая несметная рать, что разорила напрочь крепость урусов!), не размыкая рядов своих, продвинувшись с берегов Жема, остановилось

рядом с нами – близ Жекенды и Камысколя. Не похоже, что они останутся, не достигнув своих отчих угодий! Настроены явно недобро! – сообщили Хану.

Тот испугался:

– Апырай, как бы не зародилась распря!? Ещё ничего, если эти отъявленные башибузуки Султансиика во главе с Байбахты Сырымом заявят лишь: «Освобождай угодыя!»... А что, если начнут вообще нагнетать обстановку? Тревога защемила сердце сидевшего на самом почётном месте Ставки своей старого хана в шляпе с раздвоенными полями, в золочённой шубе и с хмурыми донельзя бровями.

Два сообщения, одно хуже другого...

– Ладно, коли им нужны угодыя, то освободим. Найдутся земли! Однако, как это понимать, чернь, имея Хана, перешагнула через него и самолично устанавливает взаимоотношения с чужаками?! Что это за унижение Хана? Что за высокомерие? Выходит, вошь со штанины решила стать головой, что ли? Что возомнили о себе!? – стонал Нуралы от горечи.

В душе у него кипело... Однако что поделывать? Новые времена!

Зашедший в тупик Хан, прикинув так и эдак, наконец тоже послал специальных гонцов наиболее известным аксакалам родов, обитающих окрест. Впервые за многие годы позвал предводителей, знаменитых биев и батыров, дабы посоветоваться с ними.

А оказалось...

Ойпырай! Никогда не думал, что так оголится его окружение! Вот, и старший из двенадцатиколенного Байулы Шеркеш Турманбет-би (а ведь казалось, что тот в своё время брал пример с отца своего Мусылман-бия), и Алдар-би, о коем думал, что он же – одна из толстых ветвей семиродового Берша, если протяну руку за помощью, не обидит отказом, и Адай Атагозы-батыр, коего считал одним из достойнейших сыновей славного рода, и Жаппас Дербис-би, и мурзы Кердери Кабыл и Жумык, о которых полагал, что они издавна и навсегда рядом, не отринут, когда потянусь за помощью к ним – все они затаились. Молчат, не давая никакого ответа.

В течение ряда дней, неспешно до Ханской Ставки добрались лишь немногие. Можно перечесть по пальцам – такие, как Алаша Сыпыра-би, Кутермен Кердери Намаз-би и Култай Кердери Коныс-би, Жагалбайлы Тай-бай, да ещё издавна обитающие близ самого Хана батыры Берш Шойтас, Тама Умиркул и Шапак. Судя по настроению, так и они, и эти немногочисленные люди, тоже не похожи вовсе на тех, кто приехал с желанием: «Будем для владыки нашего, Хана защитной стеной с наветренной стороны, станем для него тенью с подветренной стороны», – нет, прибыли они явно помимо своей воли, просто не в силах оказались перешагнуть через традицию предков...

Если не считать среди них одного-двух, к словам которых прислушивался народ, – таких, как Алаша Сыпыра-би и Котермен Кердери Намаз-би, – остальных Хан обычно в расчёт и не принимал. А вон того, Култай Кердери Коныс-бия, который, ни перед кем не смущаясь, всегда выкладывал всё, что думал, как и сидящего вон там вздорного, однако неимоверно богатого человека по имени Тай, Хан хоть и пригласил, как предводителей целых родов, но просто не любил их. Но что делать? Старая дева мужей не выбирает. Так и Хан созвал народ отнюдь не от хорошей жизни... Поневоле позвал, лишь для того, чтобы хоть как-то увеличить своё окружение.

Поскольку это – приглашённые самим тобою гости, то хочешь или не хочешь, ты обязан оказывать им должное уважение. И вот на почётном месте священной Ханской Орды, где сживали некогда известные всему тюркскому миру торе-потомки Потрясателя Вселенной Чингисхана – верховные бии, батыры и мурзы, хан Нуралы теперь вынужден с видимым почётом принимать этих заурядных людей.

* * *

Он тепло встретил их, утомлённых дорогой, приехавших, одолев хоть и не месячный, но самое меньшее – дневной путь каждый, и в первый вечер не стал особенно их беспокоить... После долгого угощения за широко расстеленным обильным дастарханом, после того, как каждый из гостей расположился в поставленной специально для него юрте, и сам Хан поздней ночью прилёг на свою постель.

Однако веки его долго ещё не могли сомкнуться.

И тогда Хан, отложив улетевший в совиную ночь свой сон, до самого рассвета мысленно провёл перед своими глазами приглашённых им людей, осмысливая свои взаимоотношения с каждым из них в последние годы...

И что только не вспомнилось ему...

...Вот этот – Шеркеш Турманбет-би – потомок Турке-бия, являвшегося современником давних знаменитых биев Шекты Монке и Тана Нурке, потомок рода, уже четыре поколения живущего в невероятном достатке, не лишаясь ни счастья, ни власти. Главный би старшего племени двенадцатиколленного Байулы – Шеркешов... Не только он сам, но и отец его Мусылман-би многие годы верно служил Нуралы-хану. А был он, Мусылман-би, человеком мягкого нрава, удобным в общении, особо сдержанным и спокойным. Из тех, кто не шелохнётся, даже если вздрогнет под ними земля. По самым сложным делам, туда, где чего-либо опасался, хан посылал обычно только его. И тридцать с чем-то лет назад в столь далёкую Хиву – к хану Каипу, который многие годы негласно соперничал с самим отцом хана Нуралы, – Абилхаиром, именно он возглавил по ханскому поручению послов первого губернатора Оренбургского Неплюева: хоть и звавшегося по-русски, да родом из мусульман, татарина Жумагула Гуляева и сидящего теперь в Оренбурге, хорохорясь и именуясь нынче надворным советником, выкреста Чучалова. Да, то посольство тоже возглавил он, Мусылман-би – покойный не имел привычки отвечать отказом, был человеком ровным и устойчивым, как огромная саба – наполненный кумысом сосуд из кожи. С собой тот взял лишь своего младшего брата Бура-батыра и вот этого сына своего – Турманбета. А таящий за душой немало коварства, несравненный в своём плутовстве Каип-хан хоть и устраивал немало хитросплетений для человека Нуралы-хана – Мусылман-бия, но, немногословный и неколебимый по пустякам, покойный Мусылман-би не оробел ни перед чем. И перед отъездом его Хивинский хан ограничился лишь тем, что сказал:

– Что же я могу поделаться, коли Аллах дал Нуралы, имеющему такого бия, как вы, лишнюю долю! Раньше я ему сообщал о том, что намерен послать сватов к его средней дочери – ханше Мысыр-Каныкей. Так вот – возьмите этих сватов с собой в ваши края!

И Мусылман-би благополучно привёз живыми и целыми в родные пенаты не только своего брата Буру и сына Турманбета, но и поехавших вместе с ними дядю хана по матери, Мырзатая, и всех русских послов.

Это семейство, с тех пор пользовалось особым уважением хана. И после того, как Турманбет был избран главным бием племени Шеркеш, оно никогда не отдалялось от Ханской Орды... А теперь, неведомо почему, он даже не откликнулся на приглашение!

Разумеется, Хану известно, что в мире ничего не случается беспричинно и что без ветерка не шелохнутся и верхушки трав степных. И, по совести говоря, ему самому не ведомо, почему Шеркеш Турманбет-би не внял приглашению. Повод скорее всего – допущенное самим Ханом «небольшое плутовство...». Более двух лет назад двое двоюродных братьев бия, желая пограбить русских, сами попали в их руки. За решётками каменных застенков Текинской тюрьмы русские изрядно помучили их. Затем, сказав: «Если ещё раз попадетесь, пощады не будет, убьём!», – взяли с них подписку и собрались освободить. Хан случайно прослышал от атамана Донскова, что русские сами намерены отпустить братьев, и сначала послал Турманбету радостную весть: «Я здесь прошу освободить твоих братьев!» Затем, сообщив: «Я договорился вызволить твоих братьев», – потребовал за это уплатить... пятьдесят кобылиц. И принял кобыл без стыда! Видно позже, когда братья воротились к родным, всё-таки прознал Турманбет-би, что тут что-то нечисто... И – больше не стал показываться у Хана.

Вот и сейчас – ни ответа, ни привета!

...Теперь он возлагает надежды лишь на главного бия племени Берш Алдар и Адай Атагозы-батыр. Но и они не прислали никакой весточки... Но хан, конечно же, чувствует сердцем, почему и они не приехали. Когда в начале нынешней весны снаряжённые Войсковой канцелярией в Теке около полутора тысяч казаков под началом войсковых старшин Колпакова и Пономарёва разорили ни в чём не повинные аулы, расположенные близ нижней Яицкой линии, то были залиты кровью и Берши с Адаями близ Караколя и Карабау. Более ста человек уведены в полон, угнано около трёх тысяч лошадей. Это были аулы, не очень-то подчинявшиеся власти хана, не признававшие его. И хитрый хан, чтобы сделать их покладистее, потому и послал Мамбета – сына своего дяди по матери, Мырзатая, дабы тот «указал кивком» казакам на Бершей и Адаев. Правда, того же разиню, в пору набега зазря находившегося среди казаков, заприметили и Берши, и Адаи. И это было ужасно!

Потрясённые неслыханной подлостью и вознамерившиеся нещадно разорить Хана, если окажется, что он имеет хоть какое-то отношение к ней, самые главные люди семиколенных Бершей под началом Алдар-би и батыр Адаев Атагозы пошли походом и нависли над Ставкой Хана ...

– Когда Мамбет собрался съездить на берега Жема, урусы схватили его и насильно увели с собой. Могли, оказывается, и убить, но оставили в живых лишь потому, что он сказал: «Я еду по поручению Хана!». Потому вы его там и увидели! А так – он же тоже из вас же, из адайцев. Как же вы решились говорить, будто Мамбет, сын Мырзатая, таит ненависть к своим же сородичам?! – сам наехал на них Хан, не давая спуску.

О, казахи, умеющие ценить слово и воспринимать доводы! Как грозно и не примчались они, однако, поскольку не было у них убедительного доказательства, то и бии их, и батыры невольно покорились доводам Хана... Смутились! Остановились! Но по лицам их было ясно, что окончательно всё-таки не поверили. И гнев их не разошёлся, ушёл вглубь сердца.

Отчётливо осознав, что всё это, как бы то ни было, кончится плохо, Хан, дабы как-то хоть смыть свою вину, стал слать письмо за письмом начальникам Войсковой канцелярии казачьих войск в Теке бригадиру Акутину и агаману Донсковой и умолять их: «Пропади оно всё пропадом, освободите этих Бершей! Иначе они, соединившись с дальними и ближними адайцами, устроят резню». И текинское начальство, которое давно уже спелось с Ханом, тоже народ весьма ушлый, почуввав недоброе, ответило: «Ладно! Пусть только немного успокоятся, отойдут. А там вскорости и освободим». Но дело пока так и не разрешилось окончательно. И разве потеплеют к Хану би необузданных Бершей и старый адайский батыр? Они хоть и слышали, что хан старается высвободить захваченных людей, однако от подозрений своих не избавился по-прежнему. Потому и не приехали...

Да-а-а! Пустое дело ждать от кого-либо добра, когда сам его не делал. На кого он теперь вправе обижаться? Если вдуматься, то ради власти своей и ради чрева своего же, он решался подчас на самые недостойные поступки. Не говоря о пяти Султансииках, с которыми давно разошлись его пути, кого только не заставлял он задыхаться от горечи! Когда казахи ежегодно переправлялись на правый берег Яика, он от каждого кочевья брал себе по лошади и овце, да ещё и без жалости наказывал бедняков, которые не могли уплатить ему!

– Они – сплошь воры! Потому и не дали им разрешительный билет! – утверждал, заворачивая назад тех, кто ничего не сунул в руку.

А если кто из отважных мужей, не подчиняясь насилию, упрямо перебирался через Яик, он использовал русских, чтобы настичь таких и схватить. И торопился упрятать в Уральскую тюрьму, утверждая:

– Говорил же я! Они сплошь башибузуки!

Опасаясь ханского гнева, мурзы Кердери – Кабыл и Жумык в одно лишь лето за то, что переправились туда и обратно, без лишних слов отдали ему сто лошадей и две сотни овец. Как же сейчас обижаться на них за то, что тоже не приехали?

Говорят же: и птицу в небесах позорит, заставляя попасть в силки на земле, прикормка... Прикормка...

Не раз советовал он урусам схватить поехавших в Оренбург известных степняков, справиться с которыми самому ему не под силу:

– Родственник того-то сотворил то-то, а родственник этого содеял другое... Правда, об этом в степи пока не знают. А коли, упаси Господи, узнают, страшно даже подумать, чем тогда всё кончится!

Неспроста Хан уже тридцать лет, как перестал держать совет с аксакалами, советоваться с биями. И не от хорошей жизни, а просто не видя иного выхода, буквально на днях послал гонцов к предводителям родов. Поневоле предпринятая пустая попытка спасти положение!..

Уставший от того, что всю ночь был охвачен раздумьями, старый хан забылся, лишь когда забрезжил рассвет. И проснулся, напуганный своим проклятым привычным сновидением. Зловещий сон, который он видел в последнее время почти каждую ночь и каждый раз, увидев, просыпался от испуга! Тот самый сон...

– Ойпырай, говорят же: у кого не ладятся сны, у того не ладятся дела! Что это за напасть – видится и видится? – с тяжёлым сердцем остался сидеть на своей постели удручённый Хан.

Да-а-а... Стоит только задремать и сразу видит этот проклятый сон.

...А ведь начинается-то сперва довольно хорошо!

Хан, как обычно, сидит, откинувшись важно, на своем “золотом” троне из сандалового дерева; а когда на почётном месте в Ставке, то и на двух подушках. Сердцу радостно! Все угодливо прислуживают ему. Все лебезят: «Таксыр! Таксыр!»». Радостно кричат: «Алдияр! Алдияр...!»! И даже приехавшие из далёкого Оренбурга урусы кланяются: «здрати, здрати!»». А те, кто чином повыше, обращаются ласково: «Ваше степенство». Хан, премного довольный, с почётом принимает приехавших в Орду гостей, велит расстелить для них широченный дастархан. Несут яства и множество больших чаш с мясом. В них жирная, жёлтая, как золото, отборная конина, нарезанные красиво казы и карта. А в особой чаше, поднесённой хану, поверх всего ещё и лежит голова барана. Круторогого пухлоухого, вышедшего из самого рая, агнца. И один молодой, сноровистый жигит мгновенно поднимает правой рукой эту голову, и кладёт её в золотую чашу и преподносит его степенству Хану. Хан, сердце которого переполнено радостью, произносит: «Ия, биссмиллях!»», и тянется испробовать кусочек от овечьей головы на золотой чаше...

И именно в этот момент, голова вдруг выскальзывает из его рук. Хан, быстрым движением вроде успевает перехватить голову, которая вот-вот упадёт на землю и измарается в песке! И смущаясь, осторожно кладёт эту проклятую голову опять в золотую чашу и опять собирается испробовать кусочек. Однако осмалённая кожа на ней оказывается твёрже всякого камня... «Что это ещё такое?!» – выходит из себя Хан. А потом смотрит внимательнее на голову и видит... «О, ужас!», – он держит смеющуюся, уставившуюся на него сощурёнными глазами, голову... с собачьими ушами, с ноздрями пяточком. Голову обыкновенной хрюшки! Он испуганно вскрикивает: «Аллах!» и отчаянно всплескивает рукой. И в этот же миг просыпается!

Вот и весь сон...

И как только проснётся, грудь всегда гнетёт некая тяжеленная печаль, заставляя его сникать всем телом, опускать руки и долго сидеть так.

Разумеется, всё это не только из-за того, что он уже в возрасте. Что устал и состарился. Нет, его степенство в душе чувствует, что наряду со всем этим есть и нечто другое. За всю свою жизнь он не сделал по своей воле ничего, чем бы можно было восхищаться. Всю жизнь свою провёл с оглядкой на кого-то. Однако же он не только не выскажет эту свою тайную мысль, но даже не позволит никому почуять её в его, ханской, душе. Не даст почуять! Ибо подвластные не должны знать о прорехе в сердце правителя, о горечи, таящейся в нём! «Что же, и те, кто правил до нас, поступали так же, и мы поступаем так же, так же будут поступать и те, кто станет править после нас!» – думает Хан. И всё должно остаться тайной, которую он заберёт с собой и на тот свет. Невезучий Хан, всю свою жизнь зависевший от урусов, всю жизнь исполнявший чужую волю, несчастный Хана по имени Нуралы, который в конце жизни своей обречён пугаться каждую ночь во сне от того, что держит в руке свиную голову... «Так и пройдёт эта брэнная жизнь...» – Хан глубоко вздохнул всей грудью, распираемой горячей горечью.

* * *

Может быть, как раз ночные раздумья повлияли на то, что принявшись в тот день в Ставке совещаться с гостями, Нуралы-хан сам отказался от многого, что собирался высказать, и выдвинул на обсуждение лишь два основных вопроса...

Один из них: – «В каком бы месте я ни проводил лето, в каком бы урочище ни зимовал, разве я не Хан всего этого края? Если определюсь на угодьях потомков Султансиика, то не смогут они, что ли, одно лето покочевать рядом с Ханом и не прогонять меня? Ну, уйду я из этих угодий, если им от этого будет отрадно. Только пусть не оскорбляют мою родословную, не обвиняют заглазно своего хана! Не позорят попусту перед миром. Кто из вас способен по-братски, тихо, без шума, без свар и скандалов вывести меня из этого тупика? – спросил Хан.

Хоть и старался он говорить с достоинством, весомо и солидно, но и по его тону, и по виду слушателям заметно было, что представители торе во главе с Ханом уже не один год побаиваются следующих за Байбахты Сырымом сыновей Султансиика и даже сами стыдятся своей беспомощности.

Ещё и потому собравшиеся искренне сочувствовали своему незадачливому предводителю.

Поставленный Ханом второй вопрос оказался куда сложнее. Все умолкли. Речь шла о вопиющем событии, о том, что собравшиеся недавно некоторые бии всех трёх племенных объединений пришли к некому единому решению и намерены, не оглядываясь на Владыку края – Хана, сами отправить это своё совместное решение урусам!

Было ясно, что для застывшего как изваяние, на установленном в самом центре двенадцатистворчатой Белой Орды сандаловом троне с высокой спинкой, старого Хана в шляпе с раздвоенными полями, златотканной одежде и смурными бровями, нелегко даётся этот разговор. Гости поняли: особенно больно задевает его за живое именно этот, второй вопрос. Не осталось незамеченным и то, что его переполняет обида и на большое Оренбургское начальство, и на вновь прибывшего жандарала.

И всё же он, стремясь напомнить всем, что всё ещё при власти, прямо-таки метал снежную бурю из-под насупленных грозно бровей:

– Может быть, мне обратиться к урусам и призвать к порядку этих бестолковых людей, которые творят что им вздумается и хотят каждый быть царьком сам по себе?! Или заставить пограничные войска покарать их – так чтобы они не смогли прийти в себя?! Что мне с ними сделать? Ну-ка, скажите?

После этих слов собравшиеся опять застыли в молчании.

Давно обративший внимание, что среди собравшихся нет никого ни старше возрастом, ни выше положением их двоих с Алаша Сыпыра-би, худой старец с открытым ликом, седыми висками, в чёрной бархатной тубетейке – Котермен Кердери Намаз-би – прокашлялся и попросил позволения говорить:

– Таксыр!

Обратив присущий торе мутновато-вязкий взгляд на Намаз-би, Хан приподнял подбородок, показывая, что разрешает говорить.

– Владыка мой хан! Если вас удручает вопрос об угодьях, то из-за этого пустяка, ей-Богу, вам не стоит и морочить себе голову! Если сыновья Султансиика и не дадут вам селиться рядом с ними, есть же, слава Богу, угодья и у других казахов... Найдём что-нибудь! Чьим землям уступят наши – земли Кердери, обитающих близ Яика? Кочуйте себе на здоровье по ковыльной степи от Борбастау, по Шолак Анкаты, Ерсары Анкаты, Копир Анкаты, Есен Анкаты, по всем четырём Анкаты, что на северо-востоке от озера Шалкар. Даже если захотите откочевать туда сегодня – воля ваша! «В течение года не изнашивается даже шкура зайца», – говорят... Такие тяготы нашего владыки Хана возьмут на себя сыновья племени Кердери! – молвил Намаз-би и помолчал.

Похоже, мрачный, как готовая излиться ливнем туча, Хан даже не ожидал ни от кого подобной щедрости. Когда же он внезапно услышал такое предложение, хмурые брови его разгладились. Он явно обрадовался. Однако тут, усомнившись, что будучи Ханом, выказал перед людьми радость от «столь малой вещи», придал лицу надменное выражение... (О, Аллах, как переменчива человеческая суть!). И теперь, так, будто не би племени Кердери подал ему руку в трудную пору, а сам он оказал ему милость, заговорил словно одаривая простого казаха своим расположением:

– М-да... Да будет доволен вами Аллах, би! Я нисколько не сомневался в вашей всегдашней верности нам. Вот и теперь вы вновь убедили меня в этом...

Видимо, бия племени Кердери обозлило откровенное высокомерие, присущее чванливым сыновьям торе и он продолжил уже иначе:

– А теперь... – сказал, несколько повышая голос... – а теперь, таксыр... Вот вы говорите: «Собрались некоторые бии трёх племенных объединений и пришли к некоему решению...» Ладно! Но почему вы из-за этого выходите из себя и держите сердце на них? Почему? Уж коли держали они совет, то небось, тоже не замыслили недоброго народу Алаш... И скорее всего говорили о чаяниях народа! Тогда зачем же вам мчаться к русским и при вашем ханском достоинстве вызывать издалёка войска? А вдруг это обернётся кровопролитным противостоянием? Я бы напомнил вам мудрую поговорку: «Врагам не верь, о воду не опирайся», – владыка мой Хан! Думаете, зря давние предки наши говаривали: «Доверишься врагу – локти кусать будешь; обопрёшься о воду, на дно отправишься»? – кратко подвёл итог своей новой речи би.

Другие гости, знавшие, что Нуралы-хан, напрочь перестав советоваться с предводителями родов, долгие годы уже действовал, советуясь только с русским начальством, обычно никогда не говорили об этом. И теперь, когда случилось так, что неприглядная правда вылезла наружу, что её нечаянно разгласил этот би племени Кердери, опустили очи долу.

Слова Намаз-би задели. Но он, в отличие от других, не подал виду. Всё-таки племя Кердери и сам Намаз-би – намерены хоть завтра дать хану часть своих угодий и стать его соседями. А главное – эти люди выводят Хана из-под позора перед всеми его соотечественниками. Надо промолчать! Или – говорить о другом.

– Я бы и рад не обращаться к русским... Но как же терпеть то, что эти бии и старейшины, батыры и предводители родов, нисколько не считаясь с Ханом, ведя себя так, будто они самостоятельные хозяева этого края, вознамерились без нас решать всенародные вопросы, которые относятся лишь к ханскому статусу?! Как не гневаться на это?! Ведь мы знавали времена и куда более горшей, чем ныне, когда за нас и заступиться было некому. И если завтра из их самоуправства зародится что-либо худое, на кого ляжет вся вина за это? Разумеется, только на меня, на Хана. А как утихомиришь народ, заранее не известив русских, как призвать людей к порядку, не наказав как следует тех, кто не хочет подчиняться? Если сидеть и молчать, то «в бесхозном доме и пёс станет хозяином!» И будете ли тогда народом? Как станете обществом, живущим спокойно и ладно?

Пока речь шла лишь об угодьях, Сыпыра-би мог и не вмешиваться, поскольку сам являлся аксакалом одного из ветвей Султансиика – племени Алаша. Теперь же, когда речь зашла об ином, нельзя было оставаться в стороне:

– Алдияр! – сказал он, повысив голос, чтобы обратить на себя внимание Хана, – Таксыр!.. Говорится же: «Коль речь зашла о женщинах, то среди них и мать моя». Так и теперь, коли речь зашла о Султансииках, то среди них и мы, то есть и я – один из сыновей племени Алаша... Однако... разве одинаковы пять пальцев вашей руки? Так и люди – совершенно разные... Даже Султансиик Султансиикую разнь! К примеру, разве бывали моменты, чтобы мы с вами сказали хоть одно недоброе слово друг другу? Нет! Иншаллах, пусть не будет такого и впредь!

Однако же, если вы не будете ладить с другими сыновьями Султансиика, это не значит, что и мы станем глядеть на вас косо. Всегда мы желали вам добра и будем желать. А про то собрание... Оказывается, в ауле бия Байбахты Сырыма собирались многие видные люди ряда племён... А коли так, то как мы можем идти против большинства? Да пропади оно всё пропадом – нельзя вызывать осуждение народа! Прикиньтесь ничего об этой напасти не слышавшим! Говорят же: «Кто гонится за словом, тот натывается на беду! А кто молчит, тот избавляется от множества бед!». К тому же я и не вижу иного пути спасти вашу ханскую честь. Поступите, владыка мой Хан, именно так! Таков вам мой совет. Лучше не докапываться до худого! – смиренно завершил Сыпыра-би.

Как ни странно, эти слова и в самом деле умиротворили Хана. И всё же, как бы оправдываясь, он не смолчал:

– Эй, люди добрые! Вы что же, думаете, я говорю всё это из-за того, что не могу найти повода для их преследования? «Человек в сердцах и Бога проклинает!», – сказано. Разумеется, кому делает честь бесконечно копаться в худом? Но разве я не имею права требовать у подвластного мне люда не вмешиваться в ханскую власть?! Убеждён, что Байбахты Сырыма и тех, кто следует за ним в этом вопросе, осудит весь народ!

Солидная, размеренная речь...

И вдруг сидевший с самого утра около двух биев – Кердери Намаз-бием и Алаша Сыпыра-бием – как человек, не имеющий ни к чему никакого отношения, а сам по себе, равнодушно и вальяжно Жагалбайлы Тай-бай я давай чихать: «Апчхии!» да «апчхии!»

Разговор прервался, и Хан, и гости Ставки стали ждать, когда же минет чих Тай-бая? Чихание длилось долго. Пока Тай-бай возился, утирая широченным носовым платком лицо, рот и, в самом конце, свой огромный нос, Хан, дабы разрядить обстановку, молвил с улыбкой:

– Уа, господа, Тай чихнул,

Обласканный Всевышним бай чихнул!

– Это неспроста, – продолжил Хан. Наверное, желаемое нами сбудется...

А бай взял да и ляпнул:

– Таксыр-хан! Не очень-то радуйтесь, что я чихнул! В первый свой мушел⁴, в тринадцать лет, когда я впервые зачихал вот так – скончалась моя матушка! Во второй мой мушел – в двадцать пять лет – когда я опять зачихал, вот также беспрерывно – скончался мой батюшка! И с тех пор я больше так уже не чихал. А нынче, когда вышел к пятому своему мушелу – шестьдесят первому году – в третий раз чихаю. Вот так! И где? Здесь. В вашей Ставке, таксыр-хан! На мой ли **этот самый** мне нужно говорить неправду?! ...Похоже, желание ваше не сбудется. Боюсь, как бы и народ наш, и достойные мужи этого народа не только

⁴ Мушел – периоды жизни человека – первый мушел –13 лет, затем каждые 12 лет.

не обвинили тех, о ком тут идёт речь, но как бы не взяли да и не последовали за Байбахты Сырымом! Что-то чих уж слишком нехороший вышел! – огорошил всех этот недотёпа.

Застыло собрание!

Все прикусили языки...

Погасили голоса...

И всех почти оглушило жужжание неведомо откуда попавшей в двенадцатистворчатую Ханскую Орду и взлетевшей под самый её купол одинокой мухи!

О, мой читатель с Царственной душой!

...Может сидящий на золотом троне Таксыр-хан вскочил с места, рыкнув, как лев, на бесстыжего бая – ведь бай осмелился превознести ругательное «**ЭТОТ САМЫЙ!**»?

...Может попечители справедливости – влиятельные бии – тут же велели высечь бая, который вплёл в свою речь грязное словцо?..

...Может вскипевшие гневом батыры едва не отрубили баю голову? – Напиши я так, и никто бы из вас не смог сказать, что это ложь. Однако же...

Однако же ничего такого не случилось!

Хан, проявив перед онемевшим обществом, никогда никем за ним не замечавшуюся ранее сдержанность, сказал наконец:

– Алла-ай! – (Изо рта его при этом будто вырвалось пламя!), – Есть одна притча... Говорят, сказал сам Иисус-пророк: «У меня были случаи, когда я воскрешал даже мёртвых, возвращая им души... Однако мне не удавалось никогда дать разум людям, которых Всевышний создал тупыми!» Оказывается, нет никакого средства от благоглупости!.. – молвил Хан и сошёл с трона.

Царило молчание...

Совещание сорвалось!

В двенадцатистворчатой Орде застыла глухо мёртвая тишина!

... На этом собрание завершилось совсем. Однако...

Никто, из сидевших, ещё не знал и не чувствовал, что это – самое последнее добровольное собрание предводителей родов в Ставке (в обители, потерявшей теперь свою святость) хана Нуралы, тридцать восемь лет самолично правившего здесь и властвовавшего над народом Казахской Орды, именуемой Младшим Жузом. Что после этого никто более уже не войдёт в эту Ставку, робея и ступая пугливо. А если кто и позволит себе в этой ранее священной Ставке болтать, что взбрѣдет ему в голову, то это уже станет признаком того, что канули в никуда времена безоглядного торжества Ханской эпохи, сошла на нет её слава, и улетела навсегда осенявшая её голову птица счастья – рыдая, подобно козодою в ночи!

Да простит Аллах нам наше возможное преувеличение. Сказка ложь, да в ней – намѣк!

* * *

«Ойпырмай, что твориться на свете! Орда Хана Нуралы, которая до вчерашних дней ещё привольно кочевала на юге до самой реки Жаксыбай, на северо-востоке в безбрежных землях – от верховий Шынгырлау до побережий Киила, вдобавок к этому – на просторных пастбищах между Калдыгайты и Булдырты, внезапно покинув все эти уголья, оказалась враз где-то аж на побережье Яика! Орда Хана остановилась на угольях племени Кердери, теснится с ним на крохотных землях.

поневоле соседствуя с ним!» – прослышав такое, люд надолго застывал поражённо, не зная верить этому или нет.

А как только пришёл в себя, отдался во власть воображения:

– Ойбай! Кого бы бояться этим сыновьям Султансиика, которые самим русским дали под дых! Взяли, да и в течение одного дня пугнули и прогнали напроць Орду хана Нуралы и всё его окружение, поселившихся на отчих землях Султансииков!..

– Да уж, всё-таки дедом Сырыма был сам Шолан-батыр, родившийся львом! Явился Байбахты Сырым к хану и сказал: «Даю тебе лишь день срока. Освобождай угоды!» И Нуралы, не возразив ни слова, испуганно откочевал прочь!

– Да так испугался, что даже не заметил, как упёрся прямо в Яик-реку, говорят!

– Да-да, так и говорят...

– А что, правда всё это?!

– Ещё какая правда! Хотел вроде даже уйти ещё дальше, спрятаться за чужой пазухой в Теке... И лишь мудрый Намаз-би остановил его: «Ау, алдияр, куда же Вы! Это же потом опозорит не только Вас, но и весь народ наш, уклад наш исконный опозорит!» – и насилу остановил Хана, не отпустил, поневоле отвел ему земли в своих угодыях...

– Был о ту пору рядом с ними и Алаша Сыпыра-би, говорят. Однако Хан, сказав ему: «Ты же тоже Султансиик!», не взял угодыя, предложенные им, а остался с племенем Кердери.

– Кстати, был там, оказывается, и Жагалбайлы Тай бай... «Человек простой плешивым не станет!», – сказано. Но на то он и богатей! Когда находился на собрании в Ханской Орде, говорят, в него снизошли священные духи предков и его устами предсказали ряд событий. И всё так и случилось потом – в точности!

– И что же сказал он?

– Ой, даже и не спрашивайте! Страшно выговорить... Сказал он так, будто видел своими глазами и держал своими руками: – «И народ, и достойные мужи народа последуют за Байбахты Сырымом... Вы останетесь в одиночестве, таксыр!». Такие были слова. И Хан, говорят, воскликнул: «Алла-ай!» – и остался сидеть, сам себя схватив за ворот. И точно, на другой же день, оказывается, и выставил Байбахты Сырым хана с занимаемых им земель! – пересказывали люди, добавляя к услышанному додуманное, переливая из пустого в порожнее...

А что касается Хана, тот, поскольку не поехал к большому начальству, когда его вызывали, томился теперь, не зная, с каким лицом обратиться к русским самому... Благодаря Кердери Намаз-бию, с честью, безо всякого шума и суеты покинув угодыя племён, входящих в Султансиик и несколько успокоившись на этом, он теперь, дабы снова прощупать пульс большого начальства, отправил туда своего старшего сына Есим-султана. И передал с ним несколько отвлечённое письмо. Хотел таким образом хоть как-то восстановить давно прерванные связи с Оренбургом. Просить ни о чём не стал, но постарался показать, что не беспричинно обращается к оренбургскому начальству. Мол, хоть и не смог поехать в Оренбург на большое собрание, однако никогда не отрекался и не отрекается от верности Её Величеству Императрице. Постарался показать, что пишет лишь для того, чтобы поведать о «непотребных делах» посаженного в тюрьму своего младшего брата (рождёного с ним от одного отца и одной матери!) Айшуака:

– Этот султан шлёт письмо за письмом многим казахским предводителям родов, особенно племенам Табын и Тамма, а также тутошним сыновьям своим и Ералы-султану... И говорит: «Если только вернусь благополучно из этого плена в родные края, то эти урусы не будут знать у меня ни единого дня покоя!». И такой передал «поклон»: «Все племена Жетыру, если считают меня своим султаном, пусть не приближаются к линии! Пусть откочёвывают подальше – к рекам Темир и Жем!». «Если надумаете освободить его, дайте ему в руки Коран и не отпускайте не взяв с него Клятвы», – так заклинал хан своё начальство.

Затем, посоветовавшись с сыном своим, Есим-султаном, дописал:

«...Потому что несколько раньше я сам, под свою гарантию, высвободил Байбахты Сырыма безо всякой Клятвы из Уральской тюрьмы... А сейчас он чуть ли не каждый день совершает разрушительные набеги на русские хутора – это, наверное, известно и Вам самому» – так хан сделал попытку ещё раз расцарапать подсохшую рану жандарала.

Хан ощутил такое чувство, будто подстрелил одной стрелой двух зайцев сразу. И задумался: «Что бы им поведать ещё?» И вдруг... вспомнились ему Берши и Адайцы, которые грозно гарцевали перед самой его Ставкой, и с трудом смирили свой гнев, однако по свирепым лицам их было видно, что сердца их не успокоились окончательно и уехали они помимо своей воли.

И он включил в своё письмо и мысль о возвращении скота, добра, женщин и детей, которые были захвачены в разорённых на Караколе и Карабау аулах. И не забыл при этом попутно добавить: «было бы вам уместно так поступить, дабы мы могли держать в спокойствии подвластный нам народ!».

И наконец:

«...Подсказку свою насчёт Айшуак-султана направляю Вам, посоветовавшись со своим старшим сыном Есим-султаном. Об этом не знает никто, кроме нас двоих. И не дадим знать никому! И вас просим никому не разглашать это... Пишу так, поскольку тайный мой совет, высказанный в одном из писем, достиг ушей купцов из Хивы и Бухары, а от них, дойдя до мазина тамошней мечети – муллы по имени Шапи, чуть не вызвал у нас тут большой скандал. Лишь только потому, что они не имели неопровержимых доказательств и свидетельств, мы насилу предотвратили эту напасть и народ наш с трудом успокоили! Хорошо бы вам учесть и это», – завершили они с Есимом послание. Приложили к нему свои печати и промокнули сургуч...

И ждали ответа.

Ждать пришлось недолго, поступил и ответ. Выглядел он при беглом прочтении вежливым, а коли вчитаться, так веяло от него холодом.

Хан, вновь призвав к себе старшего сына своего, султана Есима, как и в прошлый раз, велел прочитать письмо своему секретарю – мулле-татарину Аббасу:

«Многоуважаемый Хан! – писал вновь назначенный наместник Уфимского и Симбирского наместничества, генерал-губернатор Игельстром. – Получил ваше, переданное через бия Даута, письмо и, не медля, посылаю Вам ответ на него...

В самую первую очередь хочу сказать, что, прежде всего, исполняю возложенное на меня нашей солнцеликой и высокородной Государыней-матушкой поручение – восстановить прежнюю спокойную и мирную жизнь киргиз-кайсацкого народа и в дальнейшем приучить его к должному порядку. Поэтому, с первого же дня руководства этими краями я неоднократно предупреждал Вас, как правителя

этого народа, пресечь воровство и разбои в подчинённом Вам народе и призвать к мирной и спокойной жизни. Однако Вы, постоянно ссылаясь на отсутствие в руках Ваших сил, которые бы держали народ в жёсткой узде, и на прочие подобные причины, оставляете мои слова без внимания. Поэтому различные самовольства, воровство и разбои, набеги вместо того, чтобы быть пресечены, с каждым днём расплаются ещё сильнее. Действия, которые прежде предпринимались тайком, теперь стали проявляться откровенно и открыто даже в виде нападений на укреплёния и форпосты!

Последнее доказательство тому – совсем недавнее нападение на крепость Таналыкская, гибель многих людей и захват в плен. В связи с этим я опять предупреждаю Вас: поскольку Вы являетесь главой Орды, многоуважаемый Хан, извольте немедленно вернуть коменданта Таналыка майора Рештейнера и всех, кто уведён вместе с ним! Поедете для этого к тем башибузукам сами или пошлёте других во главе с вашими взрослыми сыновьями, воля Ваша! А я вам решительно и окончательно сообщаю, что в дальнейшем абсолютно не стану принимать в качестве оправдания Ваше бессилие перед собственным народом и несостоятельность в пресечении неслухов и бунтарей. Правитель этого народа – Вы! Стало быть, держать в подчинении подвластный Вам народ, во что бы то ни стало заставить выполнять Вашу волю – Ваша обязанность! А коли не способны на это, то в дальнейшем для меня цена Вашему слову – ломаный грош!

Пока не будут возвращены майор Рештейнер и пленные, взятые вместе с ним, я не могу принять во внимание ни одного Вашего слова; не удивительно даже, если подумаю: «а не сами ли Вы являетесь одним из тех башибузуков?» Кроме того... велю не платить более Вам жалованья за вашу службу...

Однако же, достопочтенный Хан, я очень верю, что Вы не дадите новых поводов, чтобы о Вас сложилось плохое мнение, и чтобы оно осталось в памяти начальников высокого ранга. Поэтому думаю, что Вы в дальнейшем будете служить верой и правдой и постараетесь доказать, что вы душой и помыслами чисты от недоброго. Дальнейший выбор за Вами самим!

Пока, с благими пожеланиями –

Барон Игельстром»

Подпись и печать...

Давно уже тревожившийся в душе, не зная, как наладить общение с хотя бы большими начальниками в Оренбурге, Хан удивился, что на связь с ним вышел сам вновь назначенный жандарал-губернатор. Но одновременно впал и в некое двойственное состояние – страха и радости.

Удивление понятно.

А страх вызван тем, что генерал-губернатор, имея столь много служивого люда в своём подчинении, самолично накинулся на него – на Хана! И написал подобное специальное, суровое письмо.

Правда, от этого человека Хану и прежде поступало несколько писем... Однако они были разве что «от имени генерал-губернатора», но являлись бумагами официальных отношений Экспедиции по пограничным делам в Оренбурге. А это письмо... (судя по тому, что начинал ласково: «Многоуважаемый хан!», – и тут же веяло лютой стужей: «Я Вам напоминал и о том, и об этом! Однако вы оставили всё это без внимания!», – явно написал (или велел написать) сам не-

давно назначенный наместником Уфимского и Симбирского наместничества генерал-губернатор. Слова «...держат в подчинении подвластный Вам народ, во что бы то ни стало заставить выполнять Вашу волю – Ваша обязанность! А коли вы не способны на это, то в дальнейшем для меня цена Вашему слову – ломаный грош!» – могут исходить только от наместника – специального человека Её Величества Императрицы, назначенного Ею начальником этих краев. И что хоть внешне они, эти сановники, вежливы, за душой у них таится студённый лёд. Это хану было известно издавна.

И всё же Хан отчасти даже обрадовался письму. Потому что, не поехав специально на обсуждение нападения на Таналык, он всё озирался на молчавший до сих пор Оренбург. И тревожился: «Что-то там думает обо мне вновь прибывший жандарал? Не затаил ли сердце на мой поступок-то?.. Слава Богу! Искренне ли, не искренне ли, но наместник всё же не уклонился от вежливости: «Многоуважаемый Хан!». Стало быть, это означает, что отношения пока не прерваны и в дальнейшем будут поддерживаться.

А значит, нельзя оборвать эту хоть и слабенькую, но связующую нить между нами. И будет правильно сказать, поверит или не поверит генерал-губернатор – что мы всегда готовы служить верой и правдой. И открыто доложить, что дело это не лёгкое»... – решил Хан и принялся писать срочный ответ.

* * *

...Отправленные бароном Игельстромом со специальным поручением три человека – известный посредник Белого Рынка Шукирали-бай, мазин здешней мечети Шапи-мулла и служащий Экспедиции по пограничным делам, титулярный советник Нурмуханбет Абужалелов – насилу воротились в Оренбург спустя полтора месяца. Однако и сам хорошо ведающий тяготы длинного пути барон не очень-то огорчился их слишком затянувшимся отсутствием. Как тягостно одолевать дорогу в этих краях, барон отчётливо уяснил и на своих боках, сам объехав тянущуюся, подобно тонкой кишке, Уральскую пограничную линию, оглядев всё собственными глазами, проверив состояние регулярных и иррегулярных войск на охране границы. Воротился лишь вчера ночью!

И потому, когда при появлении утром в конторе услышал:

– Ваше высокопревосходительство! Эти ваши люди... насилу, наконец, спустя полтора месяца, воротились в Оренбург! – докладывал временно исполняющий обязанности адъютанта офицер Гранкин, при этом усмехаясь чему-то, то барон эту его конторскую неуместную иронию пропустил мимо ушей. Потому что он, сам утомлённый долгим путём, уже готов был, если сыщется первый же повод, дать встряску «здесьним равнодушным бюрократам», вынудившим его самого отправиться в столь мучительную инспекционную поездку.

– «Ладно! Хорошо»... – И сел, замкнувшись в хмурое молчание.

И было отчего.

Во-первых, оказалось, что недостатки, выявленные им перед тем, как провести здесь, в Оренбурге, большое собрание – тогда они вдвоём с правителем Уфимского наместничества генерал-майором Пеутлингом объездили ближайшие войсковые подразделения, остались неисправленными. И замечания, высказанные в адрес Оренбургского обер-коменданта генерал-майора Зенбулатова на том большом собрании, не заставили того даже пошелохнуться....

Больше того: оказалось, что человек, отвечающий не только за линию, но и за все пограничные дела – тот самый Зенбулатов, никогда ни разу сам даже не объезжал линию. Не узнавал в каком она состоянии, в чём нуждается, чего ей не хватает. «Господи, как же этот человек дорос-то до таких чинов?» – поражался барон.

К тому же, есть, оказывается, такой порядок (кем введённый и как – неизвестно), по которому любой человек из иррегулярных войск мог заплатить некую сумму и за это ему позволялось не выходить на службу, а оставаться дома. А такую сумму оказалось в состоянии заплатить две трети зажиточных уральских казаков. И вышло так, что на линии присутствует лишь треть положенного контингента!

Никогда не встречавшийся с подобным самовольством в войсках барон обратил на это внимание и выяснил, что сумма вносилась не малая! И где же находят её казаки? Попробовал осторожно покопаться, и всё сразу стало понятно... Оказывается, казаки в таких случаях совершают набег-«баранту» на ни в чём неповинных казахов, обитающих близ линии, и захватывают лёгкую добычу! Вот в чём разгадка! «Ну, уж срублю под корень их насилием добываемый доход!» – стиснув зубы, думал барон.

А всяких прочих беспутств и беспардонных нарушений законов – и вовсе не счесть...

А самым удручающим было то, что хоть сообщение, полученное им перед выездом из Санкт-Петербурга от Оренбургского обер-коменданта, того самого Зенбулатова, и было верным, но барон собственными глазами увидел, что должных обер-комендантом «5489 человек иррегулярного войска вдоль линии» не хватит не только для её обороны, но и для её элементарной охраны. А отсутствие дисциплины? А вышеупомянутые беспорядки? К чему это может привести, в состоянии понять любой, кто хоть мало-мальски смыслит в военном деле.

Барон недоумевал: как же это Оренбургский обер-комендант, тот самый Зенбулатов, мог так катастрофически запустить порученное ему дело, довести его до невероятно жалкого состояния? А ведь барон, не желая унижать Зенбулатова перед людьми, дважды давал ему вежливое устное распоряжение: «Проедьте по линии! Посмотрите, как обстоят дела! Если много недостатков, напишите рапорт!» Разве этого недостаточно для человека, имеющего совесть? Позже барон узнал, что тот никуда не ездил в оба раза! «Почему не поехали? В чём причина?» – спросил было барон. Но тот застыл со словами: «Прошу прощения, ваше высокопревосходительство! У меня слабое здоровье... Не гожусь для столь дальнего пути...».

Пустые отговорки!.. Что ж не уйдёт в отставку, если здоровье слабое? Не-е-ет, вцепился намертво за кресло и явно не хочет его терять.

Так, разозлясь на это, барон сам и отправился проверять пограничные линии. И вот, проездив двадцать три дня, воротился только вчера. «И ещё... этот офицеришка хочет иронизировать над людьми, поехавшими не вдоль приветливого Яика, а в самые недра беспредельных киргиз-кайсацких степей. Полтора месяца», – скажи спасибо, что они делают твою же работу!

И он приказал стремительно вошедшему и застывшему, вытянувшись в струнку, адъютанту:

– Пригласи **тех людей** сюда на завтрашнее утро! А сами приготовьтесь достойно принять тех! И не забудьте позвать толмача!

– Слушаюсь!

* * *

Хороши ли люди, к которым он обратился со своей просьбой, нет ли, но они выполнили его первое поручение! Объездили беспредельные степи, провели переговоры, и он встретил этих посланцев своих – известного посредника Белого рынка бая Шукирали, муэдзина здешней мечети муллу Шапи, и служащего Экспедиции по пограничным делам, титулярного советника Нурмуханбета (хотя и не знал пока чего они добились) с большим почтением и уважением.

Поскольку самый главный хозяин этого края и к тому же генерал-поручик, перед которыми все лезли из кожи вон, с первого же мгновения встретил их с радушным настроением и добрым вниманием, то и казахи, посветлев лицами, заговорили радостно и открыто, наперегонки, проявляя откровенное нетерпение поведать о своей поездке. С улыбкой вслушиваясь в звонкую речь этих степняков, Осип Андреевич опять поразился: «Господи, а ведь каждый из них, и вправду, как сам Яков – человек с распахнутой душой! Они же точь в точь такие же, как мой друг, русский посол в Порте – Яков Иванович Булгаков, человек с азиатскими корнями...»

И у барона ещё больше потеплело на душе.

На какое-то время барон даже забыл о своих чинах и эполетах... Беседа доставляла ему удовольствие.

Казахи, явившиеся на приём: и этот, одетый в расшитую тюбетейку из чёрного бархата, в лёгком, под её цвет, красивом чапане Шукирали бай, и тот – в высокой, красиво замотанной белоснежной чалме, в очень идущем ему струящемся чапане из белого шёлка, круглобородый Шапи-мулла, и, поскольку служит в Экспедиции по пограничным делам, в русском, с иголочки наряде, Нурмуханбет – все они, как и в прошлый раз, явились в том же одеянии. Осип Андреевич, сияя позолотой, в полной парадной форме генерал-поручика, надеваемой им только в торжественных случаях, сидел сейчас среди этих людей, говоривших неумолчно, всецело отдаваясь их живым рассказам.

Бесхитростная беседа, начавшаяся с разговора о благополучии и здоровье, настроилась сама по себе и в дальнейшем полилась без чых-либо поддержек и поправок..

– ...Итак, как прошла поездка ваша? Удачно ли? – ...наконец спросил генерал-губернатор.

Это было знаком перейти к основной теме. Понявший это Шукирали-бай, бросив поочерёдно взгляд на своих младших спутников, с солидным видом, первым, как и в прошлый раз, начал:

– Высокочтимый господин жандарал! Наверное, вы сами чувствуете уже по нашим голосам... В общем, по вашей просьбе мы объездили немало мест и, кажется, выполнили ваши поручения как следует... – сказал Шукирали. И когда сделал паузу, то светлая радость на лицах воротившихся вместе с ним молодых людей, исполнивших непростое задание, теперь как бы отразилась и на лице самого генерал-губернатора. Барон Игельстром ещё больше посветлел:

– Ну, ну!.. И что же говорят предводители родов?.. К какому выводу пришли? С кем вы встречались? – сыпал теперь вопрос за вопросом барон.

– В трёх местах провели три совещания. В каждом из них участвовали немало аксакалов, известных биев и батыров тех мест. Разумеется, где много народу, там много и различных мнений... Однако в целом народ стремятся найти согласие...

– А почему в трёх местах?! Мы же с вами поименно обговаривали четверых?

– Верно, ваше высокопревосходительство! Вы назвали нам четверых: Байбахты Сырыма, Табынов: Тленши и Барака, Шекты Котыбара... Однако, когда мы приехали в аул Сырым-батыра, делавшего передышку своего кочевья в урочище Камысколь, он, знаменитый батыр и би, послал гонцов во все окрестности и сам вызвал многих предводителей родов-аксакалов, известных батыров и биев. Был среди них и тот из названных вами людей, о котором вы сказали: «вместе с Сырымом совершил нападение на Таналык». Тленши Бокенбайулы. Поскольку один из главных батыров племени Табын сам участвовал в этом совещании, то мы сочли возможным не добираться в совсем уже отдалённый его аул. К тому же и на совещании в ауле бия Сырыма мысли Тленши были созвучны с думами собравшихся там биев и батыров. Поэтому мы, дабы выиграть время, сразу направились к аулам Шекты. А если быть точнее, к аулам Кабак Котыбара, располагавшимся на левом берегу рек Атжаксы, Жаинды, Шаган... – пояснил, лишь теперь вмешавшись в разговор, Нурмуханбет.

– Ну что ж, раз так, то правильно! Правильно... – поддержал генерал-губернатор. – И что же потом?

– После этого... Прослышав, что кочующие в сопредельных с адайцами Мангыстау, землях Сам, Асмантай и Матай аулы Шомишты Табын Барак-батыра, в этом году, продвинувшись поближе, расположились в урочищах Оймаут, Шоптыколь и Бесбай, мы повортели наших коней к ним... Слава Богу, так оно и оказалось!.. В урочище Средний Оймаут мы наткнулись на аулы батыра Барака.

Таким образом, мы отыскивали каждого на месте и вовремя, на всех собраниях, где съезжались предводители родов, довели до них ваши предложения, выслушали и их мнения. И только теперь воротились... – молвил Шукирالي единым выдохом.

– Ла-адно! – удовлетворённый их сообщениями, генерал-губернатор вновь посветлел ликом, – А теперь поведайте ваши выводы! К какому решению пришли эти люди? Чего требуют от нас?

– Советовались всем миром и, разумеется, услышали и общее их решение, и запомнили крепко, дабы донести до вас их требования к Вашей стороне, господин жандарал! – промолвил Шукирالي и испытующе поглядел в лицо генерал-губернатора.

– Не смущайтесь! Продолжайте говорить.

Это приободрило бая:

– Что мы заметили в первую голову, когда, не переходя за границы сказанного вами, повели речь лишь о конкретном поручении, то это то, что стар и млад в народе готовы найти с вами общий язык. Это – раз, – повёл подсчёт Шукирالي.

– Это очень отрадная весть!

– Мы тоже, по мере наших сил, старались утвердить их в этой мысли, господин жандарал! – продолжил Шукирالي.

Затем помолчал, мысленно взвешивая то, что собирался сказать далее:

– А когда мы затронули речь о прекращении – ради покоя обеих сторон – прежних тайных ночных вылазок, стрельбы и рубки, сопротивления по малейшему поводу, немало батыров, сказать честно, откровенно возмутилось! «Почему?»

– спросите, конечно, вы... А причина в том, что, оказывается, воинские начальники этих построенных вдоль Яика крепостей и прочих укреплений безо всякого резона натравливают стоящие на страже границы войска на мирно живущий на противоположном берегу народ.

– Хмм-м! Так, значит... – сам недавно убедившийся, что две трети военного контингента, обязанного нести службу на линии, благодаря доходам, добытым от таких набегов, отлынивают от своих обязанностей, уплатив мзду, и занимаются у себя дома хозяйственными делами, барон не подвёрг эту мысль сомнению. Наоборот, это опять вызвало у него душевную боль и он нахмурил брови.

Однако Шукирали, то ли не заметив этого, то ли, заметив, но не придавая значения, не только не прервал своего повествования, но и стал говорить ещё резче:

– ...Особенно возмутился Байбахты Сырым-батыр: «Что же, выходит, мы не должны поднимать наших опущенных долу голов, а обязаны опускать их ещё ниже, даже если казаки станут долбить нас по темени, что ли? Да будь она проклята – такая жизнь!» – так сразу же и дал он нам отповедь, таксыр! Но и на этом не остановился... Вышедший из себя, сторяча, абсолютно ничего не скрывая, выдал то, что таил в душе: «Если правда, что господин жандарал-губернатор искренне намерен найти язык с народом, если истинны его помыслы установить спокойствие с обеих сторон, то пусть сначала он сам строго пресечёт подобные действия *подчинённых* ему войск! И тогда, мы тоже станем относиться иначе к жандарал-губернатору, который, приняв во внимание и наши чаяния, отнесётся к ним по-доброму. А иначе, что прежние начальники, что нынешний – для нас нет никакой разницы! Все только и норовят обмануть наивный народ», – сказал он.

Такие у них требования.

– И эти требования нельзя оставлять без внимания, господи! – сказал генерал-губернатор, что-то помечая на бумаге, лежащей перед ним. Шукирали-бай тем временем продолжил своё повествование:

– ...Вообще-то, я Вам давал знать в прошлый раз, что будет такой разговор... Так оно, как видите, и вышло.

– Правильно! И я тоже не говорю, что вы ошибаетесь, господин Шукирали! Что подобное притеснение набирает силу, я, объехав бувально вчера линию, увидел и сам. И окончательно убедился, что мы не избавимся от этой напасти, именуемой «пограничная баранта», если не примем строжайшие меры. Возьмёмся за дело!

– Возьмитесь! И ради Бога непосредственно сами следите за этим, господин жандарал! Удачи вам непременно! Народ наш – широк душой, как и его степи, добросердечен. И, если найти с ним язык, умеет прийти к согласию в любом нелёгком случае и способен многое прощать. И если бы теперь вы смогли положительно решить это дело, то доверие нашего народа к вам упрочилось бы ещё более. По правде сказать, люди не особо поверят устному поклону никогда прежде невиданного ими начальника и даже доведённым нами до них вашим словам: «Если казахи согласны с поставленными мной условиями, я намерен простить все нарушения этого народа и объявить амнистию от имени Её Величества Императрицы». И позже мы собственными ушами слышали, как предводители родов, беседуя промеж собой, говорили: «Апырай, неужто, правду он сказал?! И если говорит правду, то, похоже, этот жандарал такой же широкой души человек, как и наши казахи!»

Стало быть, те, кто сначала отнёсся с сомнением к нашим и вашим словам, постепенно изменили своё мнение к лучшему. А мы потом передали: «Если казахи стремятся воротить своих схваченных сородичей, то пусть вернут нам, находящихся у них в плену наших людей и заберут своих из уральских и оренбургских тюрем», – так, мол, велел сказать жандарал-губернатор. И отношение к вам даже самых подозрительных собеседников тоже изрядно переменилось, таксыр! Поэтому, если вы реализуете «строгие меры» по отношению к войскам то приязнь нашего народа к вам, мы полагаем, и вовсе обретёт полную меру. Не так ли, жигиты? – повернулся Шукирали к своим спутникам.

– Так, так... Теперь народ неустанно ждёт следующего вашего шага, господин генерал-губернатор! – почти разом ответили Нурмуханбет и Шапи.

– Вот оно как... А готовы ли они найти общий язык, обменяться пленными? Каково ваше мнение на этот счёт? – спросил, пристально глядя на них, барон.

– Господин жандарал!.. – опять подхватил разговор Шукирали. – Разве может народ, который пережил много лет войны и вражды, сразу взять да сказать: «Приходите, мы готовы найти с вами общий язык!» Разве не нужно ему сначала обдумать условия и пути согласия? Поэтому и пришли они там к такому выводу: «Чтобы решить этот вопрос, мало собравшихся теперь считанных биев и предводителей родов, выдвинем это на обсуждение всего народа Младшего Жуза!». Нам это их решение кажется правильным. Потому, что тут есть два трудных, затянутых донельзя узла... Один из них – то самое спокойствие, о котором мы только что говорили... Прекращение набегов казаков, или же науськивание с их стороны башкир или кого-либо ещё... Необходимо добиться прекращения этого! Второе – положение с угожьями для кочевий и обитания. Надо дать людям возможность в пору лютой зимы пользоваться тучными пастбищами в затишьях рощ и на правом берегу Яика. А этому пока не дают ходу казаки на побережье Яика и войска на пограничной линии... Поэтому, если не обсудить совместно с вами подобные масштабные вопросы всем миром и не прийти к согласию, узел этот не будет распутан. Ещё потому предводители родов и старейшины решили посоветоваться, собрав весь народ Младшего Жуза...

А что касается обмена пленными, то яснее ясного, что это нельзя оттягивать, господин жандарал! Чем раньше вы за это приметесь, тем полезней будет для обеих сторон. Тут надо учитывать, что у кочевого народа нет, как в городах, темниц и тюрем. Поэтому, пока пленник не сбежал или пока кто-то мстительный в ауле не убил беднягу, «хозяин» стремится скорей отвезти невольников на базары Хивы или Бухары и – продать в рабство. Насколько я заметил, несмотря на то, что Сырым-батыр наложил запрет, некоторые из схваченных на Таналыке пленных уже, к сожалению, проданы на рынке рабов. Мы по мере сил и умоляли предводителей родов, батыров и биев, и разъясняли им: «Если хотите свидеться с вашими родственниками, которые находятся в уральских и оренбургских тюрьмах, ради Бога – не потеряйте своих пленных! Не продавайте в рабство! Коли господин жандарал проявит милосердие, каждый из них в будущем «вернёт» вам ваших родственников, вызволенных из неволи. Берегите ваших пленных! Бе-ре-ги-те!» – твердили мы им. Чем же всё это завершится, ведомо одному только Богу...

– Ваши слова, разумеется, правильны. Однако, что же говорят они сами? – опять потребовал барон.

И тут, до сих пор не сводивший глаз с позолоченной парадной формы генерал-поручика, надеваемой лишь по торжественным случаям, на его могучую грудь и широкие плечие, Нурмуханбет тоже попросил разрешения:

– Ваше высокопревосходительство!

– Говорите, титулярный советник, – сперва по устоявшейся привычке официально откликнулся генерал-поручик, но тут же вспомнив, что перед ним не просто «титулярный», а специально им самим, с почётом приглашённый гость добавил: – Да, господин Нурмухаммед...

Будучи давно на конторской службе, Нурмуханбет заметил, что генерал-губернатор допустил оплошность и несколько смутился от этого. Но, не желая смутить патрона ещё больше, заговорил без паузы:

– Ваше высокопревосходительство, на наш взгляд, главное достижение в этой поездке – это откровенный разговор об обмене пленными. О том, чтобы выпустить на свободу людей, томящихся в застенках. На всех собраниях, проведённых в трёх местах, это при том, что по другим вопросам высказывались различные мнения – именно по этому поводу разногласий не было. Предводители родов именно в этом вопросе проявили единодушие!

К примеру, если говорить о том же Байбахты Сырыме – назовём ли его «руководитель группы» или «глава совета», который провёл одно из трёх больших собраний не просто в своём ауле, но и в собственной юрте и который с особо напряжённым вниманием воспринял цели и задачи нашей поездки, неустанно вдумываясь в подтексты каждого вашего слова, то и сей и неглупый, и весьма осторожный человек, когда пошла речь о пленниках, перед всем народом заговорил открыто и прямо. «Братья! – воскликнул он, – Для чего же мы, поставив на кон собственные жизни, совершили нападение на столь далеко от нас расположенный Таналык?! Разве не для того, чтобы защитить честь народа нашего и добыть пленников для обмена и вызволения томящихся в застенках достойных мужей наших?! А коли так, то теперь и выпала удача! Русские сами идут с поклоном, предлагая обменяться пленными. Стало быть, нам не следует ни сомневаться, ни упрямиться! Предки наши говаривали: «Будь с добрым добр, он не раб тебе. Будь с гордым горд, он не святей Пророка!» К тому же, мол, урусы вряд ли станут часто приходиться к нам и кланяться у нашего порога! Давайте, отложив всё прочее, возьмёмся в первую очередь за это дело!», – этими словами, воскликнул Нурмуханбет. Сырым-би завожжил собравшихся! И все шумно поддержали Сырыма-батыра, и жар разговора долго не ослабевал... Именно это их решение нам больше всего пришлось по душе.

Поэтому, чем скорее конкретные инстанции подготовят бумаги, необходимые для обмена, тем быстрее решится это дело, ваше высокопревосходительство! А коли затянутся, то и положение несчастных пленников с каждым днём станет смутнее. Было бы правильно направить ваши срочные распоряжения о необходимости немедленно приняться за это дело и в здешнюю Пограничную экспедицию, и начальнику Войсковой канцелярии казачьего войска в Уральске бригадиру Акутину. И тогда и мы были бы довольны, что наши труды не пошли насмарку, что мы принесли хоть крохотную пользу обеим сторонам, ваше высокопревосходительство!

– А можно быть уверенным, что это слово предводителей родов – твёрдое слово!? – сказал барон Игельстром, как бы желая более утвердить этот разговор, нежели спросить. Затем добавил, оглядев своих собеседников: – Так воспримем, что ли, господа ?

– Да, твёрдое слово. Это – клятва! – ответили казахи, не увиливая.

Поскольку разговор на этом, вроде, завершился, Осип Андреевич закрутил:

– Что ж, тогда – огромное спасибо, господа! В качестве главного начальника этого края, генерал-губернатора, твёрдо обещаю, что эти ваши труды не останутся без внимания! Честь имею, господа! – он стал подниматься с места, и тут же, чиркая по полу ножками стульев, разом поднялись и его гости.

* * *

Оставшись один, Осип Андреевич, ещё под впечатлением от разговора, стал расхаживать взад и вперёд по огромному своему кабинету. Многое открывалось теперь ему в народе, именуемом «киргиз-кайсаками»... Начать с того, что они оказались вовсе не «киргизы» и не «кайсаки», а народ, называемый «казахи».

И потом – раньше ему, как и его предшественнику, казалось, что они от зари до зари неустанно кочуют по бескрайней великой степи за Уралом в поисках пастбищ для своих стад и пропитания для себя. Их полагали «ветром гонимым, в ложбинах селящимся» народом без определённого, устоявшегося места обитания. Оказалось, всё отнюдь не так! Да, они кочевники, но у этого кочевого народа не только у каждого рода, но даже у родственных фамилий имеются свои «персональные» угодья – летние пастбища, защищённые от ветров урочища, где они зимуют. И оказывается, нельзя на угодьях одних родов не только селиться без спросу другим, но даже зариться нельзя на чужие земли. И потому, коли хочешь найти и поговорить с аксакалом этого рода, а также с бием или батыром – короче, с главным человеком – то следует искать их на постоянных угодьях того рода. Зимой – на зимовье, летом – на летних пастбищах – жайлау...

И наконец, возможно, это и есть главное – барон окончательно убедился, что кочевники сии далеко не «сплошь глуповатые бедолаги – ничего не ведающие, кроме заботы о собственных животах, начисто лишённые чувства принадлежности к своему народу», как вбивали в мозги, приезжающим сюда, местные господа чиновники. Нет. Это люди чуткие к судьбам и нуждам своих сокровников, даже находящимся где-то очень далеко. Верные слову, воспринимают груз ответственности перед своим народом. Вдобавок обладают радушным норовом, принимая человека открыто и душевно. В прошлый раз он провёл с ними встречу без церемоний, открыто и сердечно. И вот сегодня они не тушуются перед ним, заговорили прямо, как близкие, открыто, безо всяких экивоков. Видно, что эти люди не таят за душой хитрости, простые и чистосердечные. Он и сам с ними раскрепостился, увлечённо включился в откровенную и от души идущую беседу...

И выводы тоже ясны.

Первое: есть полная возможность найти общий язык с народом.

Второе: стало ясно, что нет никаких препонов к обмену пленными.

В-третьих – если он, начальник края, хочет установить спокойствие по обе стороны линии, то должен войти в доверие потерпевшей стороны и упрочить её добрые надежды.

Короче, надо переходить к конкретным действиям.

С чего начать?

...Вспомнил свою же мысль об объявлении амнистии. И собственные слова, переданные через посланников: «Если у подданного нам народа на душе скопились какие-либо обиды, люди могут прийти прямо ко мне самому, дабы решить»

такие дела спокойным, мирным путём». Мало сказать и передать – надо оформить это письменно, на бумаге, подписанной конкретно им самим и в солидном виде довести до народа.

Барон не медля, сел за стол и уткнулся в белый лист...

Так 11 июля 1785 года явился на свет важный документ, начинавшийся со следующих слов:

«Ко всему населению Младшей Орды Киргиз-кайсацкой и предводителям родов!

(От имени владычицы короны Великой Российской империи, солнцеликой и высокородной Самодержицы, а также властительницы многих государств на востоке и западе, на юге и на севере Её Величества Императрицы Екатерины Алексеевны)

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

И вот о чём, в частности, сообщалось, в документе:

«Наша солнцеликая и высокородная матушка-государыня Её Величество Императрица волею своего милостивого к своим подданным сердца нашла весьма достойным поставить нас во главе этого края, где обитает киргиз-кайсацкий народ. Поэтому, исполняя её высочайший Указ, который велела государыня при моём отправлении сюда обнародовать перед всей Киргиз-кайсацкой Ордой, считаю долгом своим сообщить вам следующее...

В первую очередь скажу: впредь буду рассматривать тех людей, от кого никому нет вреда, кто живёт себе спокойно, отличая их от разнужданных воров и разбойников. На башибузуков, порождающих справедливый гнев Её Величества матушки нашей государыни, в дальнейшем будут наложены безжалостные наказания. Пусть творившие по сию пору то, что им взбрѣдет в головы, неслухи и смутьяны столь благородного народа в скорейшем времени прекратят набеги и разбой! В случае неподчинения этому, подобные неслухи – в качестве самых злостных преступников, нарушающих спокойствие всего народа, будут наказаны по самым строгим статьям Закона.

А тем, кто прислушается к сказанному, кто с этих пор повернѣтся лицом к мирному и спокойному существованию, даю слово выпросить прощение у Её Величества государыни, в коем будет сказано: «Прежние воровство, разбои и преступные действия преданы забвению!».

И поэтому – будь то гавари, будь то приспешники и соучастники, – кто бы то ни было, коли признав свою вину перед собственной совестью, придѣт от чистого сердца просить прощения, решительно и окончательно отказавшись от прежних воровства и разбоев, такие люди, могут явиться лично ко мне или же послать замышляемое ими благое намерение письмом. Все, кто, сдержав данное обещание, перешѣл навсегда к спокойному и мирному житию – получают милость Её Величества матушки нашей государыни, будут взяты навсегда под её высокое покровительство и жить счастливо!», – так объявлял генерал-губернатор всенародно.

Впервые в истории русско-казахских отношений сама царская Россия, в лице одного из высших её сановников, оставив без внимания права главы народа, игнорируя власть Хана целого народа, обращалась непосредственно к самому

простому народу: «*Ко всему народу Киргиз-кайсацкой Младшей Орды и предводителям родов!*» Генерал, видимо, и сам ещё не осозновал, что это – поворот российской политики к новым, прогрессивным позициям!

Причиной же того, что «Открытое письмо» было написано именно так и внезапно обнародовано всему люду, послужило и одно из писем хана, полученное бароном Игельстромом несколько дней назад... Ибо, если посланные им и переговорившие непосредственно с предводителями родов люди увидели своими глазами положение дел на местах и поведали барону, что весь народ за то, чтобы прийти к согласию и ради этого готов к обмену пленными, то Нуралы-хан на поручение барона поскорее возвратит уведённых из крепости Таналыкской, пленных отвечал:

«Я удивлён этим Вашим Указом... Разве не предупреждал я многократно: «Насколько эти разбойные казахи настроены против Вашей высочайшей воли, настолько же они враждебны ко мне». Поэтому, хоть Вы и пошлёте к ним людей и потребуете выполнить то самое Ваше поручение, эти башибузуки не послушаются меня и не воротят пленных! Даже не постоят перед тем, чтобы убить людей моих, которых я пошлю на переговоры. По этой причине, Ваше Высокопревосходительство, я вынужден снова повторить Вам высказанные мной прежде советы:

Если Вы не пошлёте на аулы разбойников, совершивших нападение на крепость, несметные войска и не разорите обитающих от Жаманкалы до верховий Илека и Жема племена так, чтобы они запомнили это навсегда, они и меня не станут признавать Ханом, и нисколько не прекратят набеги на Ваши линии. Поэтому Вам следует, как только получите это письмо, отправить большой отряд, чтобы покарать виновных.» – писал Хан. И это взбесило барона.

«Бывают же, выходит, правители, которые сами зовут врагов на свой народ: разори, мол, моих подданных, круши их» Что стряслось с этим несчастным ханом, что он так возненавидел подвластный ему люд, призывает на его голову ужасные беды?!». Потому барон и предпочёл обращению к столь безнадежному и равнодушному человеку, неспособному щадить своих подданных, воззвать непосредственно к предводителям и старейшинам простого народа.

Таким и было написано «Открытое письмо». И размножено в десятках экземпляров!..

Теперь осталось только доставить их предводителям родов кочевого киргиз-кайсацкого народа, обитающим на южной стороне текущей поперёк степи Яик-реки.

«Кому поручить доставку «Открытого письма»? Кто был бы надёжен здесь и сумел бы убедить людей там?»

Троих из киргиз-кайсаков, известных и авторитетных здесь, в Оренбурге, барон уже использовал в своих интересах. «Не следует то и дело посылать только их. И их это отяготит, и пробудит у некоторых вождей и простолюдинов подозрения и настороженность по отношению к ним... Да и притомились они, воротившись с дальней дороги.

Кому же можно будет поручить?»

Барон Игольстром по привычке ходил взад и вперёд по просторному кабинету и долго думал. Пока ему вдруг не вспомнился ещё один человек, которого давеча назвал заместитель начальника войсковой канцелярии Уральского казачьего войска, совиноглазый, и вытягивающийся то и дело в струнку атаман Даниил Донсков

– главный имам здешней мечети, ахун Мухамеджан Хусаинов. Донсков сказал тогда: «То, что говорят, будто киргиз-кайсаки не так строго соблюдают веру, как народы Средней Азии, хоть на первый взгляд и кажется правдой, однако всего лишь на первый взгляд. На самом деле, они хоть и не фанатики, однако чётко придерживаются мусульманского уклада. Поэтому весьма почитают духовных лиц и всем сердцем воспринимают их слова. И по этой причине Вам, наверное, не обойтись без того, чтобы подключать и ахуна к вашим важным делам».

Барон, припомнив эти слова, посветлел лицом. Отыскал решение столь трудного дела...

Он тут же звякнул серебряным колокольчиком, покоившимся у него на столе.

– Слушаю-с! – вытянулся в струнку вошедший в кабинет адъютант. Барон бросил ему кратко:

– Пусть завтра в девять утра явится главный имам здешней мечети, ахун Мухамеджан Хусаинов!

* * *

Хазрет⁵ Мухамеджан лишь недавно указом Её Величества Императрицы обрёл звание ахуна первой степени Оренбургского края. И находился в приподнятом состоянии души. Внезапный же вызов к генерал-губернатору посеял у него тревогу.

...Известно же, щенок, привыкший озираться испуганно с тех пор, как встал на ноги, и потом, превратясь в крупную взрослую собаку, всё же при виде когда-то ошутимо вонзавших в него свои зубы псов, по-прежнему поджимает хвост, готовый всегда покориться чужой воле... Подобно этому, хазрет Мухамеджан сызмальства был под властью оренбургского большого начальства, свyksя с этим и настолько покорился судьбе, что привык только кивать согласно всему сказанному «свыше».

Вот и теперь, когда его пригласил наместник Уфимского и Симбирского наместничества генерал-губернатор Игельстром, и они стали беседовать наедине, Мухамеджан по давней привычке крепко покусанного ещё в младости, и в этот раз не возражал ни единому слову большого начальника. Лебезил перед ним.

Да и как ему было не лебезить...

Мальчонка, родившийся в семье татарского купца в расположенном рядышком Каргалы, сначала постигал азы грамоты у местного муллы, затем обучался в Оренбургском медресе – и вдруг был послан учиться куда-то в неведомую даль, в саму Бухару, вовсе не думал, что там ему выпадет, не только овладевать знаниями, но ещё и быть впряжённым в прочие дела, не имеющие никакого отношения к учёбе и духовным занятиям.

Оказалось же, что выбор Коллегии Иностранных дел в самом Санкт-Петербурге послать на учёбу, по предложению здешнего начальства, именно его, был отнюдь не случайным.

– Если сам он – сын известного купца и способный ученик, у кого может вызвать сомнения юноша, поехавший в поисках знаний в Центр ислама в Средней Азии – Бухару? Не должен вызвать подозрений. Пошлём этого паренька! – специально отыскивали его конкретные инстанции.

⁵ Хазрет - духовный сан.

Всё это юноша Мухамеджан узнал, лишь когда отправлялся в дальнюю дорогу. Из того, что с раннего утра до позднего вечера твердили ему чиновники, он ещё до отправки понял: он будет не только учиться. Ему надо будет присматриваться там ко всему, что происходит вокруг. Обращать внимание даже на взаимоотношения Бухары с сопредельными народами; на то, как относятся здесь к высшему начальству. На то, что говорят о таких обстоятельствах его наставники. Знать, какого мнения придерживаются крупные улемы-богословы Бухары и другие учёные. И обо всём этом, по мере возможности, сообщать своим покровителям.

И на первых порах он всё, что видел в Бухаре, скрупулезно перечислял на бумаге и отправлял через караван-баши подробнейшие письма. А позже оренбургские чиновники стали ему поручать не заикливаться на мелочах, а обращать внимание лишь на важные и значительные события, особенно – больше писать о ханствах Средней Азии. И давать более полные сведения о русских пленных, проданных туда из киргиз-кайсацкой Орды.

И он, по мере своих сил, исполнял эти поручения.

...Но всё же настал день, когда он, повзрослев, опечалился в душе, осознав, что многое, чем он тут занимается, далеко от богословия. Двойственность занятий и положения его тяготили. А лишь воротился сюда, в Оренбург, как был назначен имамом центральной мечети и тут, наконец, вроде как пришёл в себя и вздохнул свободней.

И на тебе – вызывает вновь назначенный генерал-губернатор.

– Господин Хусаинов! – начал наместник, – Хотя Вы теперь и стали главным имамом Оренбургской мечети и ахуном, наверное, не успели ещё забыть, что учились в далёкой Бухаре и далёком Кабуле, направленные по секретным заданиям Коллегии Иностранных дел? – и испытующе, и изучающе посмотрел в глаза хазрета, сердце которого сразу ёкнуло. (Он-то считал, что сие было его внутренней тайной, о которой никто не знает. И сам себя успокаивал, мол, забыл я, – и всё забылось. – И не только тайной, но и незаживающей раной души. Он каждый день обращался к Всевышнему: «О, Боже! Не дай мне впредь так оступиться! Не возврати меня к ошибке моей юности, Создатель!»).

Но выходит – знают!

И ахун, поняв, что генерал-губернатор аккуратноенько коснулся сухой корки на, казалось бы, заживающей уже ране, не смог никак уклониться и зачастил сразу:

– Да! Это правда, когда я учился в Бухаре, а потом в Кабуле, то действительно, занимался и выполнением некоторых секретных заданий Коллегии Иностранных дел...

– Вы поступали правильно, господин Хусаинов... и делали доброе дело для империи. А то, что до сих пор сохранили это в памяти, подтверждает: Вы хороший человек. Те, кто верно служил интересам короны и трона Великой Российской Империи, никогда не оставались без внимания. Её Величество, матушка наша, Государыня, назначив Вас в начале нынешнего года киргиз-кайсацким ахуном Экспедиции по пограничным делам, а спустя не более трёх месяцев, ещё и дала звание ахуна первой степени всего Оренбургского края – примите это как признание вашей прежней верной службы! Такие люди почётны всегда и везде, господин Хусаинов! И всегда необходимы интересам государства, – сказал генерал-губернатор. Затем некоторое время помолчал, этим молчанием своим, давая ясно понять, что говорить собирается, и снова надолго задумался, прежде чем высказать главное.

Пока большой сановник выкладывал свои мысли, хазрет Мухамеджан и сам понял, что, видимо, намерен снова отправить его на какое-то сложное дело. Только... куда? На какое?

– Уважаемый ахун! В связи со сложившимися здесь нынешними обстоятельствами нам снова понадобилась ваша помощь...

Уже после слов «В связи со сложившимися здесь нынешними обстоятельствами», хазрет с облегчением сообразил, что отправить его собираются не в какую-то неведомую даль, и обрадовался:

– Господин генерал-губернатор! Не пожалею своих сил и возможностей!

– Уважаемый ахун! Если я не ошибаюсь, в прошлый раз вы, вроде, тоже участвовали в собрании по обсуждению нападения на Таналыкскую... Помните, о чём там говорилось тогда – возвращение наших людей, уведённых в полон; одинаковое успокоение народа по обе стороны линии? А для этого – необходимость прийти к определённом согласию с ханом ли киргиз-кайсаков, с предводителями ли родов, вышедших из черни, да хоть с кем. Но последнее не решается и по сию пору! Сколько писем ни слали Хану, он, отговариваясь тем, что неслухи не подчиняются ему и что в его руках нет сил держать их в жёстких рамках, и сославшись на прочие подобные обстоятельства, до сих пор не сумел исполнить нашего поручения. Да ещё и в одном из своих недавних писем перепоручил эту обязанность нам самим, написав: «Если не разобьёте этих башибузуков в пух и прах, послав в их аулы большой, вооружённый до зубов отряд, они и вам не дадут покоя своими набегам, и меня не посчитают за Хана». Какой спрос с него, какая надежда на такого Хана?! Поэтому я теперь, поневоле, написал всему народу Младшей Орды киргиз-кайсаков и предводителям родов от имени Её Величества Императрицы Обращение в форме «Открытого письма»... И позарез нужен надёжный, уважаемый человек, который довёл бы это Обращение до предводителей родов и вручил им в руки.. Если я, полагая, что таким человеком являетесь только вы, поручу вам это дело, согласитесь ли вы его исполнить?

– Да, это неожиданно, Ваше Высокопревосходительство... Дадите ли Вы мне несколько дней сроку?..

– Подумайте. А сначала прочитайте само Обращение! По-моему, в нём нет ничего, что бы задело самолюбие Ваших единоверцев и что бы вынудило Вас стыдиться, Вашей предполагаемой миссии, уважаемый ахун! Здесь только стремление к тому, чтобы народ жил спокойно и мирно!

– Слушаюсь, таксыр! Служить какому бы то ни было благому делу – прямая обязанность таких, как мы, находящихся на предложенном Владыкой Создателем духовном пути... Прочитаю, – сказал хазрет Мухамеджан, принимая из рук генерал-губернатора экземпляр «Открытого письма».

Дело сладится – понял барон Игельстром.